

ОДИН
ИЗ САМЫХ
ПОПУЛЯРНЫХ
ДЕТЕКТИВНЫХ
СЕРИАЛОВ
В МИРЕ

Тараканы Ю НЕСБЁ

ИНСПЕКТОР ХАРРИ ХОЛЕ В ТАИЛАНДЕ

Annotation

Посол Норвегии найден убитым в бангкокском борделе. В Осло спешат замять скандал и командируют в Таиланд инспектора полиции Харри Холле: ему предстоит провести расследование как можно более конфиденциально. Оказавшись в злочных местах Бангкока, среди опиумных домов и стрип-баров, Харри постепенно обнаруживает, что в деле с убийством далеко не все так очевидно, как казалось вначале. Тараканы шуршат за плинтусами. Кто-то притаился во тьме, и этот кто-то не выносит дневного света. Впервые на русском – долгожданный детективный роман от признанного мастера жанра, главного конкурента Стига Ларссона.

Ю Несбе

Тараканы

По слухам из норвежской колонии в Таиланде, посол Норвегии погиб в начале шестидесятых в Бангкоке вовсе не разбившись на машине – он был убит при весьма загадочных обстоятельствах. В Министерстве иностранных дел слухи не подтвердились, и труп был кремирован на следующий же день, причем от официального вскрытия отказались.

Совпадение героев и событий в романе с действительностью следует считать случайным. Действительность гораздо более невероятна.

Бангкок, 23 февраля 1998 года

Глава 1

Загорается зеленый свет, и рев машин, мотоциклов и туктуков – трехколесных мопедов-такси – нарастает, так что Дим слышит, как дребезжат стекла универмага «Робертсон». Ее машина тоже трогается с места, и витрина с длинным красным шелковым платьем остается далеко позади, растворяясь в вечерних сумерках.

Она взяла такси. Ехала не в каком-то там битком набитом автобусе, не в проржавевшем туктуке, а на настоящем такси, с кондиционером, и за рулем сидел немногословный шофер. Она с наслаждением опустила голову на подголовник. Никаких проблем. Мимо пронесся мопед, девчушка на заднем сиденье вцепилась в парня в красной футболке и шлеме с забралом: ее пустой взгляд скользнул по такси. Держись крепче, подумала Дим.

На улице Рамы IV шофер оказался в хвосте у грузовика, тот дымил прямо на них, да так, что из-за черного густого выхлопа не удавалось разглядеть номер. Благодаря кондиционеру запах быстро выветрился. Правда, не до конца. Она слегка помахала рукой перед носом, демонстрируя свое отвращение, и шофер, посмотрев в зеркальце, рванул вперед. Никаких проблем.

Так было не всегда. Она выросла в семье, где было шесть девочек. Слишком много, считал отец. Ей едва исполнилось семь лет, когда они стояли на проезжей дороге, кашляя от желтой пыли, и махали вслед повозке, подпрыгивающей вдоль коричневого канала и увозящей их старшую сестру. Ей дали с собой чистое белье, билет на поезд до Бангкока и адрес в Патпонге, записанный на обороте визитной карточки, и она, уезжая, плакала в три ручья, а Дим махала ей вслед так отчаянно, что чуть рука не отвалилась. Мать погладила младшую по головке, сказав, что все непросто, но, с другой стороны, не так уж и плохо. Во всяком случае, их сестре не придется стать *квай* и ходить по дворам, пока не выйдут замуж, по примеру матери. К тому же мисс Вонг обещала позаботиться о девочке. Отец кивнул, и, сплюнув бетель сквозь почерневшие зубы, добавил, что *фаранги* в барах хорошо платят за новеньких.

Дим не поняла, кто такие *квай*, но спрашивать не стала. Конечно же она знала, что это слово обозначает быка. Как и многие другие в этих местах, они не имели средств, чтобы завести себе быка, так что брали животное лишь на время, чтобы вспахать поле для риса. Позднее она узнает, что девушка, которая ходит с быком по дворам, тоже называется *квай* и что ее услуги тоже продаются. Таков обычай: может, ей повезет и она встретит крестьянина, который захочет оставить ее у себя, пока она еще не старая.

Однажды, когда Дим исполнилось пятнадцать, отец окликнул ее, приближаясь к дочке по рисовому полю: в руках он держал шапку, и солнце светило ему в спину. Она ответила не сразу и, разогнувшись, посмотрела на зеленые холмы вокруг их крохотного дворика, а потом, закрыв глаза, прислушалась к пению птицы-трубача в кронах деревьев и вдохнула аромат эвкалипта и гевеи. Она знала, что пришел ее черед.

В первый год они жили в одной комнате вчетвером: четыре девочки делили друг с другом все – постель, еду и одежду. Важнее всего было последнее, поскольку без красивого наряда невозможно заполучить хороших клиентов. Она научилась танцевать, улыбаться, умела теперь различать, кто хочет просто выпить с ней, а кто – переспать. Отец договорился с мисс Вонг, что деньги будут посылаться домой, поэтому первые годы она прозябала в нужде, но мисс Вонг была ею довольна и постепенно стала оставлять ей больше.

У мисс Вонг имелись причины быть довольной, ведь Дим вкалывала как проклятая и ее клиенты охотно покупали выпивку. И мисс Вонг была бы рада и дальше оставить ее у себя. Однажды какой-то японец даже вознамерился жениться на Дим, но отступил, когда она попросила купить ей билет на самолет. Еще один, американец, брал ее с собой в Пхукет, потом оплатил обратную поездку и купил ей кольцо с бриллиантом. Кольцо она заложила в ломбард на следующий день после отъезда американца.

Некоторые платили мало и посылали ее ко всем чертям, если она пыталась возражать; другие ябедничали мисс Вонг, когда Дим не соглашалась выделять все, что они ей велели. Они не понимали, что мисс Вонг уже получила свое из тех денег, что они заплатили в баре за услуги Дим, и теперь девушка сама себе хозяйка. Хозяйка. Она вспомнила о красном платье в витрине магазина. Мать говорила правду: все непросто, но не так уж и плохо.

И она старалась сохранять невинную улыбку и веселый смех. Клиентам нравилось. Наверное, потому она и получила работу по объявлению Ван Ли в газете «Тай Рат», в разделе G.R.O., или «Guest Relation Officer»^[1]. Ван Ли – низкорослый, почти черный китаец, владелец мотеля на Сукхумвит-роуд, клиентами его были в основном иностранцы с весьма специфическими пожеланиями, но не настолько уж особыми, чтобы она не смогла их ублажить. Откровенно говоря, ей это нравилось даже больше, чем бесконечные танцульки в баре. К тому же Ван Ли хорошо платил. Единственное неудобство, пожалуй, в том, что приходилось долго добираться в его мотель из квартиры в Банглапху.

Проклятые пробки! В очередной раз, когда они встали, она сказала шоферу, что выйдет здесь, пусть даже придется пересечь шесть полос, чтобы добраться до мотеля на другой стороне улицы. Покинув такси, она ощутила, как воздух окутал ее, словно горячее влажное полотенце. Она двинулась вперед, зажав рот рукой, зная, что это не поможет, в Бангкоке всегда такой воздух, но по крайней мере так меньше воняет.

Она пробиралась между машинами: отпрянула в сторону от пикапа с полным кузовом парней, которые свистели ей вслед, еле увернулась от «тойоты». Наконец она на тротуаре.

Ван Ли поднял глаза, когда она вошла в пустой холл.

– Сегодня вечером спокойно? – спросила она.

Он раздраженно кивнул. В последний год такое случалось частенько.

– Ты уже поужинала?

– Да, – солгала она. Ей не хотелось есть водянистую лапшу, которую он варил в задней комнатенке.

– Придется подождать, – сказал он. – *Фаранг* сперва хочет поспать; он позвонит, когда проснется.

Она застонала.

– Ты ведь знаешь, Ли, мне надо вернуться в бар до полуночи.

Он бросил взгляд на часы.

– Дадим ему один час.

Пожав плечами, она села. Если бы она зароптала год назад, он просто вышвырнул бы ее вон, но теперь он нуждался в деньгах. Конечно, она могла бы и уйти, но тогда эта долгая поездка оказалась бы совершенно бесполезной. А кроме того, она была обязана Ли, он ведь не худший сутенер из тех, на кого ей приходилось работать.

Выкурив три сигареты, она пригубила горького китайского чая и подошла к зеркалу, наводя марафет.

– Пойду разбужу его, – сказала она.

– Гм. Коньки с собой?

Она потрясла сумкой.

Ее каблуки вязли в гравии, покрывавшем открытую площадку между низенькими номерами мотеля. Номер 120 находился в глубине патио, никакой машины у двери она не увидела, но в окне горел свет. Наверное, *фаранг* уже проснулся. Легкий бриз приподнял ее короткую юбку, но прохлады не принес. Она тосковала по муссону, по дождям. А ведь после нескольких недель наводнения, после покрытых илом улиц и заплесневелого белья она будет снова тосковать по знойным безветренным месяцам.

Легонько постучав в дверь, она примерила застенчивую улыбку, а на языке уже вертелся вопрос: «Как вас зовут?» Никто не отвечал. Она снова постучала, взглянув на часы. Наверняка можно будет поторговаться о том красном платье, скостить цену на сотню батов, хоть даже и в «Робертсоне». Повертев дверную ручку, она с изумлением обнаружила, что дверь не заперта.

Клиент лежал на кровати ничком и спал – это бросилось в глаза сразу. Потом она заметила голубое поблескивание прозрачной рукоятки ножа, торчащего из спины в ярко-желтом пиджаке. Трудно сказать, какая мысль первой пронеслась в голове Дим, но одна из них наверняка была о том, что долгая поездка из Банглапху оказалась-таки напрасной. А потом Дим закричала. Но крик утонул в громком гудении трейлера на Сукхумвит-роуд, которому не давал повернуть заезавшийся туктук.

– «Национальный театр», – объявил по громкоговорителю гнусавый, сонный голос, прежде чем двери открылись, и Дагфинн Торхус шагнул из трамвая в промозглое, холодное зимнее предрассветное утро. Мороз щипал свежесбранные щеки, и в тусклом неоновом свете белел выдыхаемый пар.

Шла первая неделя января, и он знал, что потом станет легче: льды скуют фьорд и воздух делается менее влажным. Он начал подниматься по Драмменсвейен, к Министерству иностранных дел. Мимо проехало несколько одиноких такси, в целом же улицы были почти пустынные. Часы на фасаде концерна «Иенсидиге», светящиеся красным на фоне черного зимнего неба, показывали шесть.

На входе он достал пропуск. «Начальник отдела», – было написано над фотографией молодого Дагфинна Торхуса, на десять лет моложе нынешнего, смотрящего в объектив фотоаппарата целеустремленным взглядом из-за очков в стальной оправе и выставив вперед подбородок. Он провел пропуском по считывающему устройству, набрал код и толкнул тяжелую стеклянную дверь на площади Виктория-террас.

Далеко не все двери открывались столь же легко в те времена, как он двадцатипятилетним юношей пришел сюда работать, а было это почти тридцать лет назад. В «дипшколе» – так назывались мидовские курсы для стажеров – он выделялся своим эстердальским диалектом и «деревенскими замашками», как говорил один его однокурсник из Бэрума. Другие стажеры были политологами, экономистами, юристами, их родители имели высшее образование и были политиками или частью той мидовской верхушки, куда стремились их дети. А он – простой крестьянский парень, выпускник провинциального сельскохозяйственного института. Не то чтобы это было так важно лично для него, но он понимал: для дальнейшей карьеры ему нужны настоящие друзья. Дагфинн Торхус осваивал социальные коды и вкалывал больше других, чтобы уравновесить собственный статус. Но, несмотря на различия, всех их объединяло одно: смутное представление о том, кем они станут. Ясным было только направление: вверх.

Вздохнув, Торхус кивнул охраннику, когда тот протянул ему в стеклянное окошко газеты и конверт.

– Кто на месте?

– Вы, как всегда, первый, Торхус. Конверт – из курьерской службы, его доставили ночью.

Торхус поднимался на лифте, следя за тем, как гаснут и загораются цифры этажей. Ему представлялось, что каждый этаж здания символизирует этап его карьеры, и каждое утро все эти этапы вновь проходили перед его взором.

Первый этаж – первые два года стажерства, долгие, ни к чему не обязывающие дискуссии о политике и истории, уроки французского, который стоил ему невероятных мучений.

Второй этаж – консульский департамент. Первые два года Торхус провел в Канберре, потом еще три – в Мехико-Сити. Чудесные города, грех жаловаться. Разумеется, он бы предпочел Лондон и Нью-Йорк, но то были слишком уж престижные места, туда стремились попасть все. Так что он решил не воспринимать такой поворот карьеры как поражение.

Третий этаж – снова служба в Норвегии, уже без солидных надбавок за работу за

рубежом и за квартиру, позволявших жить в относительной роскоши. Он встретил Верит, она забеременела, а когда подошло время для новой заграничной командировки, они ждали уже второго. Верит родилась в тех же краях, что и он, и каждый день говорила по телефону со своей матерью. Он решил немного подождать, работал не жалея сил, писал километровые отчеты о торговых отношениях с развивающимися странами, сочинял речи для министра иностранных дел, заслуживая похвалу на верхних этажах. Нигде в госаппарате не существовало такой жесткой конкуренции, как в МИДе, и ни в одном другом месте иерархия не была настолько наглядной. На работу Дагфинн Торхус шел как солдат в атаку: пригнув голову, не показывая спину и открывая огонь, едва кто-то окажется на мушке. Впрочем, пару раз его дружески похлопали по плечу, и тогда он понял, что «замечен», и попытался объяснить Верит, что сейчас самое время отправиться в командировку в Париж или Лондон, но тут она впервые за всю их тихую семейную жизнь заартачилась. И он сдался.

Дальше – четвертый этаж, новые отчеты и наконец должность секретаря, небольшая прибавка к окладу и место в департаменте кадров на втором этаже.

Получить работу в мидовском департаменте кадров – знаковое событие, оно обычно означало, что путь вверх открыт. Но что-то не сложилось. Департамент кадров совместно с консульским департаментом рекомендовали соискателей на различные посты в загранаппарате, то есть непосредственно влияли на карьерный рост остальных коллег. Возможно, он подписал не тот приказ, не дал кому-то хода, а этот человек потом стал его начальником, и теперь в его руках те невидимые нити, которые правят жизнью Дагфинна Торхуса и других мидовских сотрудников.

Как бы то ни было, движение вверх как-то незаметно прекратилось, и в одно прекрасное утро он вдруг увидел в зеркале ванной типичного начальника департамента, бюрократа средней руки, которому никогда уже не подняться на пятый этаж за оставшийся какой-то десяток лет до пенсии. Если, конечно, не совершить подвига, который все заметят. Но подобные подвиги плохи тем, что за них если не повысят в должности, то наверняка выгонят с работы.

Так что оставалось лишь вести себя как прежде, пытаясь хоть в чем-то опередить других. Каждое утро он первым являлся на работу и преспокойно успевал просмотреть газеты и факсы и уже имел готовые выводы, когда остальные коллеги еще только протирали глаза на летучках. Целеустремленность успела войти в его плоть и кровь.

Он открыл дверь кабинета и замешкался на мгновение, прежде чем включить свет. У этого тоже была своя история – история о налобном фонарике. Причем, увы, просочившаяся наружу и гулявшая, он знал, по всему МИДу. Много лет назад норвежский посол в США вернулся на некоторое время в Осло и как-то ранним утром позвонил Торхусу, спросив, что тот думает о ночном выступлении президента Картера. Торхус только-только вошел в свой кабинет и еще не успел ознакомиться со свежими газетами и факсами, а потому не сумел дать немедленного ответа. Как и следовало ожидать, день был загублен. Дальше – больше. На следующее утро посол позвонил снова, как раз в тот момент, когда Торхус развернул газету, и спросил, каким образом ночные события могут повлиять на положение на Ближнем Востоке. Назавтра послу снова потребовались какие-то ответы.

И Торхус тоже пролепетал что-то невразумительное за недостатком информации.

Он начал приходить на работу еще раньше, чем прежде, но у посла, похоже, было седьмое чувство, поскольку каждое утро его звонок раздавался именно в тот момент, когда Торхус только садился за стол.

Так продолжалось, пока начальник департамента, случайно узнав, что посол живет в маленьком отеле «Акер» прямо напротив МИДа, не догадался, в чем дело. Всем было известно, что посол любит вставать ни свет ни заря. Он не мог не заметить, что свет в кабинете Торхуса загорается раньше, чем в других, и решил разыграть пунктуального чиновника. Тогда Торхус купил себе налобный фонарик и на следующее утро успел просмотреть все газеты и факсы, не зажигая люстры. И сидел так с налобником почти три недели, пока посол не сдался.

Но теперь Дагфинну Торхусу было наплевать на шутника посла. Он открыл конверт, в нем оказалась расшифровка шифрограммы под грифом «совершенно секретно». Прочитав сообщение, он пролил кофе на докладные записки, лежавшие на столе. Короткий текст оставлял простор для фантазии, но суть заключалась в следующем: посол Норвегии в Таиланде, Атле Мольнес, найден с ножом в спине в одном из борделей Бангкока.

Торхус перечитал сообщение еще раз, прежде чем отложить его в сторону.

Атле Мольнес, бывший политик и член Христианской народной партии, бывший председатель комитета по финансам, стал теперь бывшим и во всех остальных отношениях. Это казалось столь невероятным, что Торхус невольно бросил взгляд в сторону отеля «Акер» – не притаился ли там кто за гардинами? Но отправителем сообщения являлось норвежское посольство в Бангкоке. Торхус чертыхнулся. Ну почему это случилось именно теперь и именно в Бангкоке? Не следует ли сперва известить Аскильсена? Нет, тот сам скоро обо всем узнает. Торхус посмотрел на часы и поднял телефонную трубку, чтобы позвонить министру иностранных дел.

Бьярне Мёллер осторожно постучал в дверь и вошел. Голоса в переговорной утихли, все повернулись в его сторону – Бьярне Мёллер, руководитель убойного отдела, – представила его глава Управления полиции и жестом пригласила садиться.

– Мёллер, а это статс-секретарь Бьёрн Аскильсен из канцелярии премьер-министра и Дагфинн Торхус, начальник департамента МИДа.

Мёллер кивнул, выдвинул стул и попытался засунуть свои длиннющие ноги под большой овальный дубовый стол. Кажется, он уже видел молодежавое, веселое лицо Аскильсена по телевизору Неужели он и впрямь из канцелярии премьер-министра? Значит, неприятности случились немаленькие.

– Прекрасно, что вы смогли так быстро прийти, – произнес, картавя, статс-секретарь, нетерпеливо барабаня пальцами по столу – Ханне, расскажи ему вкратце, о чем мы здесь говорили.

Начальник Управления полиции позвонила Мёллеру двадцать минут назад и без всяких объяснений велела явиться в МИД в течение четверти часа.

– Атле Мольнес найден мертвым в Бангкоке. Предположительно он был убит, – начала она.

Мёллер увидел, как начальник департамента МИДа при этих словах закатил глаза за очками в стальной оправе. Выслушав историю до конца, Мёллер понял его реакцию. Надо быть полицейским, чтобы сказать про человека, найденного с ножом, точащим из спины слева от лопатки и вошедшим сквозь левое легкое в сердце, что тот «предположительно убит».

– Его нашла в гостиничном номере женщина...

– В борделе, – поправил ее чиновник в стальных очках. – И нашла его проститутка...

– Я беседовала с коллегой из Бангкока, – продолжала начальница. – Он человек разумный и обещал пока не предавать это дело огласке.

Мёллер спросил было, зачем так тянуть с этой самой оглаской, ведь оперативное освещение в прессе часто помогало полиции получить нужные сведения, пока люди кое-что помнят и следы еще свежие. Но что-то подсказывало ему, что подобный вопрос сочтут слишком наивным. Вместо этого Мёллер поинтересовался, как долго они рассчитывают все это скрывать.

– Надеемся, что долго, до тех пор, пока не сложится приемлемая версия, – ответил Аскильсен. – Та, что мы имеем на сегодня, не годится.

Та, что имеем? Мёллер ухмыльнулся. Так, значит, подлинную версию уже рассмотрели и отбросили. Как новоиспеченный начальник отдела, Мёллер до сих пор был избавлен от общения с политиками, однако он знал: чем выше у человека должность, тем опаснее для него не знать реальной картины жизни.

– Как я понимаю, имеющаяся версия довольно неприятна, но что значит «не годится»?

Начальница предостерегающе взглянула на Мёллера. Статс-секретарь слабо улыбнулся.

– У нас мало времени, Мёллер, но позвольте мне преподать вам экспресс-курс практической политики. Все, что я сейчас скажу, разумеется, строго конфиденциально. – Он машинально поправил узел галстука, это движение Мёллер вспомнил по его телеинтервью. – Итак. Впервые за всю послевоенную историю у нас появилось центристское правительство, причем достаточно жизнеспособное. Но не потому, что для этого имеется общая парламентская платформа, а потому, что премьер-министр наконец-то перестал быть самым непопулярным политиком в стране.

Начальник Управления полиции и мидовский чиновник усмехнулись.

– Популярность строится на том же хрупком фундаменте, что и любой политический капитал – на доверии. Не важно, насколько политик симпатичен или харизматичен, главное – что он пользуется доверием избирателей. Знаете ли вы, Мёллер, почему была так популярна Гру Харлем Брунтланд?

Мёллер понятия не имел почему.

– Все не потому, что она была такая очаровашка, а потому, что люди гордились тем, что она – именно та, за кого себя выдает. Доверие, вот что важно.

Все вокруг стола закивали. Обязательный ритуал.

– Атле Мольнеса и премьер-министра связывает дружба и политическая карьера. Они вместе учились, вместе продвигались вверх по партийной линии, боролись за модернизацию партийной молодежной организации и вместе радовались, когда оба, еще молодые, были избраны в стортинг. Именно Мольнес добровольно отступил в тень, когда оба они оказались в числе лидеров партии. И оказал безоговорочную поддержку премьер-министру, так что партия избежала борьбы за власть в своих рядах. Из всего этого следует, что премьер-министр питает к Мольнесу чувство благодарности.

Аскильсен облизнул пересохшие губы и выглянул в окно.

– В общем, Мольнес не стажировался в МИДе и вряд ли попал бы в Бангкок, если бы премьер-министр не нажал на все кнопки. Возможно, это выглядит как nepotизм, но это форма узаконенного nepotизма, возникшего и получившего широкое распространение в эпоху правления Рабочей партии. Рейульф Стен тоже не был карьерным дипломатом, когда получил должность посла в Чили. – Его глаза снова обратились к Мёллеру, и в них заплясал насмешливый огонек. – Мне, наверное, нет необходимости подчеркивать, что это дело может

повредить репутации премьер-министра, если станет известно, что его друг и соратник по партии, которого он сам же отправил в командировку, был найден *in flagranti*^[2], а к тому же и убитым.

Статс-секретарь жестом предложил продолжить начальнику Управления полиции, но тут Мёллер снова не удержался:

– У кого же нет друга, который не побывал бы в борделе!

На лице Аскильсена застыло подобие улыбки, а мидовец в стальных очечках кашлянул:

– Вы узнали то, что вам положено знать, Мёллер. И будьте так любезны, оставьте оценку этих событий нам. Все, что нам нужно, это чтобы расследование... не приняло нежелательного характера. Разумеется, мы все хотим, чтобы убийца или убийцы были схвачены, однако обстоятельства этого дела до поры до времени не должны разглашаться. Ради блага страны. Вы понимаете?

Мёллер посмотрел на свои руки. Ради блага страны. Держать язык за зубами. Этого в его роду никто не умел. Его отец так и остался простым полицейским констеблем.

– Как показывает опыт, господин начальник департамента, скрывать правду бывает довольно трудно.

– Да, пожалуй. Я буду отвечать за операцию по линии МИДа. Как вы понимаете, это весьма деликатное дело, и оно требует, чтобы тайландская полиция работала на нас, а не против нас. Раз тут замешано посольство, у нас имеется определенная свобода действий – дипломатическая неприкосновенность и все такое прочее, но все равно мы ходим по лезвию ножа. А потому мы хотели бы, чтобы туда был послан кто-то, кто имеет некоторый опыт подобных расследований и сотрудничества с полицией других стран и кто способен добиться результата.

Он умолк и посмотрел на Мёллера, который пытался понять, чем ему так неприятен этот бюрократ с агрессивным подбородком.

– Мы могли бы сформировать совместную команду...

– Никакой команды, Мёллер. Чем меньше шума, тем лучше. Кроме того, начальник Управления полиции объяснила нам, что, если мы заявимся туда большой командой, это вряд ли облегчит сотрудничество с местной полицией. Так что нужен всего один человек.

Один?

– Ваша начальница уже предложила нам кандидатуру, и мы по достоинству оценили ее предложение. Собственно, это ваш подчиненный, и мы хотели бы услышать ваше мнение о нем. Как следует из беседы начальника Управления полиции с коллегой из Сиднея, этот ваш кандидат отлично показал себя при расследовании убийства Ингер Холтер в прошлом году.

– Я читал зимой об этой истории в газетах, – вставил Аскильсен. – Впечатляюще. Так, значит, это ваш человек?

Бьярне Мёллер судорожно сглотнул. Вон оно как, начальница Управления предложила, чтобы в Бангкок поехал Харри Холе. А сюда его позвали затем, чтобы он их заверил, что Харри Холе – наилучший из кандидатов, превосходный работник.

Он обвел взглядом людей за столом. Политика, власть и влияние. Он ни хрена не понимает в этих играх, но смекнул, что дело в той или иной степени касается его собственного блага. Очень важно, что именно он сейчас ответит и как поступит: последствия скажутся на его дальнейшей карьере. Начальница Управления сама предложила это имя. Но кто-то из этих бюрократов захотел услышать, что думает о Холе непосредственный шеф. Мёллер взглянул на начальницу и попробовал прочитать в ее глазах,

что же ему делать. Конечно, может случиться, что Холе все сделает по высшему разряду И если сейчас отсоветовать им посылать его подчиненного, не выставит ли он тем самым свою начальницу в невыгодном свете? Тогда его попросят назвать другое имя, а если названный кандидат загубит все дело, то может получиться, что на плаху ляжет его, Бьярне, собственная голова.

Мёллер поднял глаза на картину, висящую над головой начальницы: с высоты на него взирал Трюгве Ли, генсек ООН. Еще один политик. За окнами виднелись крыши многоэтажек в сереньком зимнем свете, крепость Акерсхус и дрожащий от ветра флюгер на макушке отеля «Континенталь».

Бьярне Мёллер считал себя хорошим полицейским, но тут было что-то иное, он не знал правил этой игры. Что бы посоветовал отец? Да уж, он всегда держался подальше от политики, констебль Мёллер. Но он всегда разумел, что важно, а что нет, и отменил свой запрет на учебу сына в Полицейской академии после того, как тот с отличием окончил первый курс юридического отделения. И так далее. Бьярне сделал так, как сказал отец, и после выпускных мероприятий отец все покашливал да покашливал, хлопая сына по спине, пока тот не попросил отца прекратить.

– Хорошее предложение, – услышал Бьярне Мёллер свой собственный голос, да еще такой громкий и отчетливый.

– Прекрасно, – сказал Торхус. – Причина, по которой мы хотели как можно скорее услышать от вас ответ, состоит в том, что дело это срочное.

Пусть ваш кандидат оставит все дела и займется нашей проблемой завтра же.

Ну что же, может быть, Холе как раз сейчас и нужно именно такое задание, попытался утешить себя Мёллер.

– Сожалею, что мы забираем у вас такого ценного работника, – проговорил Аскильсен.

При этих словах шеф убойного отдела Бьярне Мёллер едва удержался от смеха.

Они нашли его в «Шрёдере» на улице Вальдемара Тране – старинном и уважаемом кабаке на перекрестке, где западный район Осло встречается с восточным. В кабаке, честно говоря, более старинном, нежели уважаемом. Уважаемость заключалась лишь в том, что городская инспекция по охране памятников объявила это коричневое, прокуренное помещение архитектурным наследием. Но это не повлияло на клиентуру – гонимую и истребляемую породу старых пропойц, вечных студентов – выходцев из крестьян – и потасканных донжуанов, давно вышедших в тираж.

Когда сквозняк из двери на время развеял дымовую завесу, двое полицейских увидели рослого мужчину, который сидел под старинной картиной с изображением Акерской церкви. Его светлые волосы были острижены так коротко, что торчали ежиком, а трехдневная щетина на худом запоминающемся лице отливала сединой, хотя мужчине вряд ли было сильно за тридцать. Он сидел в полном одиночестве, выпрямившись, не снимая короткого пальто, словно в любую секунду мог подняться и уйти. И словно кружка пива, стоящая перед ним на столе, была для него не удовольствием, а работой, которую предстояло сделать.

– Нам сказали, мы найдем тебя здесь, – произнес старший из двоих и сел на стул напротив мужчины. – Я инспектор Волер.

– Видите вон того человека, за столиком в углу? – спросил Холе, не поднимая глаз.

Волер повернулся и взглянул на тощего старика: тот сидел, уставившись в бокал с красным вином и покачиваясь взад-вперед. Казалось, он мерз.

– Тут его зовут «последний из могикан». – Холе поднял голову и широко улыбнулся. Глаза его напоминали бело-голубые шарики в сеточке красных прожилок, и взгляд их уперся Волеру в рубашку. – Военный моряк, – отчеканил Холе. – Раньше их здесь было много, а теперь осталась жалкая горстка. Этого торпедировали дважды во время войны. И он считает себя бессмертным. На прошлой неделе я нашел его в сугробе на улице Глюкстадгата, после закрытия кабака. Вокруг ни души, крошечная тьма, мороз восемнадцать градусов, а он спит. Когда я вернул его к жизни, он только посмотрел на меня и послал к черту. – Он расхохотался.

– Послушай, Холе...

– А вчера вечером я подошел к его столику и спросил, помнит ли он, что с ним случилось: как-никак я спас мужика от верной гибели на морозе. И знаете, что он ответил?

– Холе, тебя разыскивает Мёллер.

– Он ответил, что бессмертен. «Я-то могу жить и никому не нужным моряком в этой дерьмовой стране. Но чертовски обидно, что сам святой Петр ничего не может поделать». Нет, вы слышали? Сам святой Петр...

– У нас приказ доставить тебя в Управление.

На столе перед Холе появилась новая кружка пива.

– Счет, Вера, – сказал он.

– Двести восемьдесят, – ответила та, не глядя в блокнот.

– О боже, – пробормотал младший из двоих полицейских.

– Сдачи не надо, Вера.

– Спасибо, – сказала она и удалилась.

– Лучший в городе сервис, – объяснил Харри. – Тебя замечают сразу, не надо размахивать

обеими руками.

Волер прижал ладони к ушам, так что на лбу натянулась кожа и по нему зазмеилась синяя жила.

– Нам некогда расслаживаться здесь и выслушивать пьяные байки, Холе. Предлагаю тебе оставить эти последние поллитра...

Холе осторожно поднес кружку к губам и выпил.

Волер перегнулся через стол, пытаясь говорить тише:

– Я знаю тебя, Холе. Не люблю я тебя. Думаю, давно тебя надо было выгнать из полиции. Такие типы, как ты, только подрывают доверие людей к полицейским. Но мы пришли не поэтому. Нам велено забрать тебя отсюда. Шеф человек добрый, он хочет дать тебе шанс.

Тут Холе рыгнул, и Волер отшатнулся назад.

– Какой еще шанс?

– Шанс проявить себя, – вставил младший полицейский, и на лице его появилась мальчишеская улыбка.

– А я могу и здесь показать, на что я способен, – улыбнулся в ответ Холе, поднес кружку к губам и запрокинул голову.

– Черт тебя подери, Холе! – Волер побагровел, глядя, как ходит туда-сюда кадык Холе, перекатываясь по небритой шее.

– Ну что, довольны? – И Холе стукнул перед собой пустой кружкой.

– Наша работа...

– ...плевать я на нее хотел. – Харри застегнул пальто. – Если Мёллеру что-то нужно, пусть позвонит мне или дождетя, пока я приду завтра на работу А теперь я пошел домой. Надеюсь, что в ближайшие двенадцать часов не буду лицезреть ваши рыла. Прощайте, господа.

Харри поднялся из-за стола, выпрямившись во все свои метр девяносто, и слегка пошатнулся.

– Задавака чертов, – прошипел Волер, качнувшись на стуле. – Хренов лузер. Если бы только газетчики, которые писали о тебе после Австралии, знали, как мало дел...

– Каких дел, Волер? – Холе продолжал улыбаться. – Отметелить подвыпивших подростков в камере за панковский гребень на голове?

Младший полицейский украдкой взглянул на Волера. В прошлом году в Полицейской академии поговаривали о каких-то молодых панках-анархистах, которых задержали за распитие пива в общественном месте и избили в камере апельсинами, завязанными в мокрое полотенце.

– Чувством корпоративной солидарности ты никогда не отличался, Холе, – заявил Волер. – Ты думаешь только о себе. Всем известно, кто именно был за рулем той машины в районе Виндерена. И почему хорошему полицейскому разнесло череп о придорожный столб. Да потому что ты алкаш и сел за руль под парами, Холе. Тебе чертовски повезло, что у нас в Управлении это дело убрали под сукно, а зря, стоило бы подумать и о семье погибшего, и о мнении других сотрудников...

Младший полицейский был новичком и старался ежедневно извлекать из всего уроки. В этот день он, к примеру, узнал, что глупо оскорблять собеседника, покачиваясь на стуле, поскольку оказываешься совершенно незащитным, когда оскорбляемый вдруг наклоняется вперед и врезает тебе правой между глаз. Обидчик валится на пол, но посетители «Шрёдера»

умолкают лишь на миг, а потом гул голосов нарастает снова.

Помогая Волеру подняться, младший увидел, как фалды пальто Холе мелькнули в дверях.

– Черт, неплохо после восьми кружек пива, а? – проговорил он, но тут же прикусил язык, встретившись взглядом с Волером.

Харри небрежно зашагал по обледенелой мостовой Доврегата. Костяшки пальцев вроде бы не болели, – боль и раскаяние подождут до завтрашнего утра.

В рабочее время он не пил. Пока. Даже если это бывало раньше и доктор Эуне утверждал, что каждый новый срыв начинается там, где закончился предыдущий.

У врача, седоволосого, тучного – вылитый Питер Устинов, – аж затрясся двойной подбородок, когда Харри втолковывал ему, что держится подальше от своего старого недруга «Джима Бима» и пьет только пиво. Притом что от пива не в восторге.

– Ты же был в сточной канаве, и в тот момент, когда открываешь новую бутылку, ты снова туда же скатываешься. Тут нет никакого промежуточного состояния, Харри.

Ну что ж. Он как-никак добирался до дома на своих двоих, не забывал снимать с себя одежду, ходил на работу. Так было не всегда. Это Харри и называл промежуточным состоянием. Ему надо было лишь чуть-чуть плотнуть на ночь, чтобы уснуть. Вот и все.

Какая-то девица в меховой шапке поздоровалась, когда он проходил мимо. Знакомая? Прошлой весной с ним многие здоровались на улице, особенно после его интервью в «Редакции 21», где ведущая, Анне Грусволл, спросила, каково это – застрелить серийного убийцу.

– Да так. Во всяком случае, приятнее, чем сидеть здесь и отвечать на подобные вопросы, – ответил он с усмешкой, и его слова стали хитом весеннего сезона, главной цитатой после нетленного: «Овцы – они нормальные животные»^[3].

Харри вставил ключ в замок подъезда. Улица Софиесгате. И зачем только он переехал осенью в этот район Осло, Бишлет. Может, потому, что соседи в Тёйене начали как-то странно посматривать на него, сторониться, а он принимал эту дистанцию за уважение к своей персоне.

Ладно, местные соседи его не беспокоили, хотя выходили на лестничную клетку и проверяли, все ли в порядке, когда он изредка вечером спотыкался на ступеньках и скатывался вниз по лестнице.

Эти падения начались в октябре, после того как он уперся лбом в стену, расследуя дело Сестрёныша. Тогда из него словно выпустили воздух и снова стало мерещиться всякое разное. Харри знал только один способ избавиться от видений.

Он попытался взять себя в руки, отправился вместе с Сестрёнышем на дачу в Рауланне, но сестра замкнулась после жестокого изнасилования и уже не смеялась, как прежде. Пару раз Харри звонил отцу, но разговоры получились недолгими, довольно скоро становилось ясно: отец хочет, чтобы его оставили в покое.

Харри вошел в квартиру, закрыв за собой дверь, громко крикнул, что он дома, и удовлетворенно кивнул, не получив никакого ответа. Монстры в разных обличьях посещали его, но, пока их нет на кухне, он мог рассчитывать на то, что ночью спокойно уснет.

Едва Харри вышел из подъезда, как на него набросился холод, так неожиданно, что он захлебнулся ледяным ветром. И подняв глаза к рдеющему небу над крышами домов, открыл рот и выдохнул вкус желчи и «колгейта».

На площади Хольберга он как раз успел на трамвай, следовавший по Вельхавенсгате.

Найдя свободное место, развернул «Афтенпостен». Еще одно дело о педофилии. За последние месяцы такое случалось уже трижды: норвежцев взяли на месте преступления в Таиланде.

В передовице напоминалось о предвыборном обещании премьер-министра активнее расследовать преступления на сексуальной почве, в том числе и за границей, и задавался вопрос, когда же будет виден конкретный результат.

В комментарии к статье статс-секретарь Бьёрн Аскильсен информировал, что продолжается работа по заключению соглашения между Норвегией и Таиландом о расследовании преступлений, совершенных норвежцами-педофилами, и что этот договор позволит активизировать усилия полиции.

«Давно пора! – писал в заключение редактор «Афтенпостен». – Народ ждет результатов. Христианский народный премьер-министр не может допустить, чтобы эти мерзости продолжались».

– Войдите!

Харри открыл дверь и посмотрел вниз, на широко зевающего Бьярне Мёллера, вытянувшегося на стуле, так что его длинные ноги торчали из-за письменного стола.

– Гляди-ка. А я ждал тебя вчера, Харри.

– Мне сообщили. – Харри сел. – Я не хожу на работу, когда пьян. И наоборот. Принцип, которого я стараюсь придерживаться. – Он надеялся, что фраза прозвучит иронически.

– Полицейский является полицейским все двадцать четыре часа в сутки, Харри, пьян он или нет. Мне пришлось уговаривать Волера не писать на тебя рапорт, понимаешь?

Харри пожал плечами, давая понять: он сказал все, что хотел сказать.

– О'кей, Харри, не будем из-за этого ругаться. У меня есть для тебя работа. Думаю, ты ее не заслужил, но я все равно думаю тебе ее дать.

– Ты не огорчишься, если я скажу, что она мне не нужна? – спросил Харри.

– Оставь эти шутки сыщику Марлоу, Харри, они тебе не идут, – резко оборвал его Мёллер.

Харри усмехнулся. Он знал, что шеф его любит.

– Я даже не сказал, о чем речь.

– Ну, раз ты посылаешь за мной машину в мой выходной, то я думаю, речь идет не о регулировании уличного движения.

– Почему ты не даешь мне слова сказать?

Харри, хохотнув, наклонился вперед:

– Сказать честно, шеф?

Неужто честно, думал было переспросить Мёллер, но лишь кивнул.

– Я сейчас не гожусь для важных дел, шеф. Я исхожу из того, что ты сам видишь, как я работаю. Вернее, *не* работаю. Или едва-едва. Я выполняю свои обязанности, пытаюсь не

переходить дорогу другим и соблюдать трезвость в течение дня. На твоём месте я предложил бы эту работу кому-нибудь другому.

Мёллер вздохнул, медленно подтянул ноги и поднялся со стула.

– Хочешь начистоту, Харри? Если бы решал я, то работу получил бы другой. Но они хотят именно тебя. Поэтому ты очень бы меня выручил, Харри, если...

Харри внимательно посмотрел на шефа. Бьярне Мёллер не раз помогал ему в трудных ситуациях в последний год, и понятно, что рано или поздно придется возвращать должок.

– Стоп! Кто это *они*?

– Люди на руководящих постах. Которые могут превратить мою жизнь в ад, если не получат то, что хотят.

– А я что за это получу?

Мёллер как можно строже насупил брови, но ему всегда было трудно сохранять суровое выражение на своем по-мальчишески открытом лице.

– Что *ты* получишь? Свою зарплату Пока тебе ее не перестали платить. Вот ее и получишь, черт подери!

– Я плохо разбираюсь во всем этом, шеф. Получается, кто-то из этих твоих людей, решил, что этот парень, Холе, который в прошлом году навел порядок в Сиднее, чертовски способен, и твое дело только построить этого типа. Я ошибаюсь?

– Харри, будь так добр, не заводись.

– Значит, я не ошибся. И вчера я тоже все правильно понял, когда увидел рыло этого Волера. Поэтому я хорошенько все обдумал, и вот мое предложение: я буду пайнкой, готов приступить к работе, а когда все будет выполнено, ты дашь мне двух штатных следаков на два месяца и неограниченный доступ ко всем базам.

– О чем это ты?

– Ты знаешь о чем.

– Если ты опять насчет изнасилования твоей сестры, то могу тебе только посочувствовать, Харри. Ты ведь помнишь, что дело прекращено.

– Я помню, шеф, помню и тот отчет, где было написано, что у нее синдром Дауна, а потому не исключено, что она вообще все выдумала про изнасилование, чтобы скрыть, что забеременела от случайного знакомого. Спасибо, я все помню.

– Не было никаких улик...

– Она сама хотела все это скрыть. Господи, я же был в ее квартире в Согне и случайно увидел в грязном белье лифчик, весь пропитанный кровью. Я заставил ее показать мне грудь. Насильник отрезал ей соски, и она больше недели ходила, таясь, истекая кровью. Она-то думала, что все люди такие же добрые, как она, и когда тот тип сперва угостил ее ужином, а потом спросил, не хочет ли она посмотреть фильм в его гостиничном номере, она просто решила, что он очень любезен. И если бы она даже вспомнила, в каком именно номере это произошло, то все равно было бы поздно: там все уже пропылесосили, вымыли, постельное белье сменили раз двадцать после всего случившегося. Так что естественно, что никаких улик не нашли.

– Никто не помнил, чтобы там видели окровавленные простыни...

– Я работал в отеле, Мёллер. Ты удивишься, если узнаешь, сколько окровавленных простыней меняют там в течение пары недель. Постояльцы только и делают, что кровят.

Мёллер решительно покачал головой.

– Прости. У тебя был шанс доказать это, Харри.

– Недостаточно, шеф. Его было недостаточно.

– Всегда бывает недостаточно. И надо где-то подвести черту. С нашими ресурсами...

– По крайней мере, дай мне свободу действий. Хоть на один месяц.

Мёллер внезапно поднял голову и подмигнул. Харри понял, что его разоблачили.

– Ах ты, хитрец, тебе всегда была по душе работа, разве нет? Тебе просто захотелось сперва поторговаться?

Харри выпятил нижнюю губу и покачал головой. Мёллер посмотрел в окно. Испустил тяжкий вздох.

– Ладно, Харри. Посмотрим, что получится. Но так как ты провинился, я вынужден принять некоторые меры, которые от меня давно ждут в Управлении. Ты понимаешь, что это означает?

– Да уж как не понять, – улыбнулся Харри. – Что за работа?

– Надеюсь, летний костюмчик висит наготове и ты помнишь, куда в последний раз положил свой паспорт. Твой самолет вылетает через двенадцать часов, и ты окажешься очень далеко отсюда.

– Чем дальше, тем лучше, шеф.

Харри сидел на стуле у двери тесной социальной квартирке в районе Согн. Сестра, притулившись у окна и глядя на снежинки, кружащиеся в свете уличного фонаря, несколько раз шмыгнула носом. А поскольку сидела она спиной к Харри, то он не мог понять, простуда это или грусть по поводу скорого расставания. Сестра жила здесь вот уже два года и прекрасно справлялась сама. После того, что с ней случилось – изнасилования и аборта, – Харри, взяв с собой кое-что из одежды и туалетные принадлежности, переехал в ее квартиру. Прожил он там всего несколько дней, а потом она заявила ему, что достаточно. Она теперь большая.

– Я скоро вернусь, Сестрёныш.

– А когда?

Она сидела так близко к оконному стеклу, что всякий раз, когда она говорила, на нем проступало туманное пятно. Харри сел сзади и положил ей руку на спину. Уловил легкую дрожь и понял, что сестра вот-вот заплачет.

– Как только поймаю этих нехороших людей. Тогда сразу же и вернусь.

– Это...

– Нет, это не он. Им я займусь потом. Ты говорила сегодня с папой?

Она качнула головой. Харри вздохнул.

– Если он не будет звонить тебе, позвони ему сама, прошу тебя. Ты можешь сделать это для меня, Сестрёныш?

– Папа никогда не разговаривает, – прошептала она.

– Папе плохо, потому что умерла мама.

– Но это было так давно.

– Вот и настало время заставить его снова говорить, Сестрёныш, и ты должна мне в этом помочь. Поможешь? Правда?

Она повернулась к нему, не говоря ни слова, обняла его и уткнулась лицом в его шею.

Он погладил ее по голове, чувствуя, как рубашка становится мокрой от ее слез.

Чемодан собран. Харри позвонил доктору Эуне и объяснил, что едет в служебную

командировку в Бангкок. Больше ему сказать было нечего, и он вообще не понимал, зачем звонит. Может, потому, что приятно позвонить кому-нибудь, кому интересно, где это ты пропадаешь? Харри даже подумал, а не звякнуть ли и официантам в «Шрёдер».

– Возьми с собой шприцы с витамином В, которые я тебе дал, – сказал Эуне.

– Зачем?

– Они облегчат тебе жизнь, если захочешь оставаться трезвым. Новая обстановка, Харри, это, знаешь ли, хороший повод.

– Я об этом подумую.

– Хватит уже думать, Харри.

– Да знаю я. Вот поэтому мне и не нужны шприцы.

Эуне закричал. Это была его манера смеяться.

– Из тебя бы комик вышел, Харри.

– Я на правильном пути.

Парнишка, один из обитателей дешевого пансиона, стоял у стены, дрожа от холода в своей тесной детской курточке и дымя окурком, и глядел, как Харри затаскивает чемодан в багажник такси.

– Уезжаете?

– Именно так.

– На юг?

– В Бангкок.

– Один?

– Ага.

– Say no more... [4]

И он подмигнул Харри, подняв кверху большой палец.

Харри взял билет у дамы за стойкой регистрации и обернулся.

– Харри Холле? – У мужчины были очки в стальной оправе, и он грустно улыбался.

– А вы?

– Дагфинн Торхус из МИДа. Мы хотели пожелать вам счастливого пути. А также удостовериться, что вы понимаете... всю деликатность задания. Все произошло очень быстро.

– Спасибо за заботу. Я понял, что моя задача – найти убийцу, не вызывая огласки. Мёллер уже проинструктировал меня на этот счет.

– Отлично. Главное – это секретность. Никому не доверяйте. Не полагайтесь на людей, которые будут выдавать себя за сотрудников МИДа. Может статься, что они на самом деле, ну, к примеру, из газеты «Дагбладет».

Торхус открыл рот, словно собираясь рассмеяться, но Харри понял, что он говорит серьезно.

– Журналисты из «Дагбладет» не носят значок МИДа на лацкане пиджака, господин Торхус. Или плащ, когда на дворе январь. Я, кстати, понял из документов, что вы будете моим контактным лицом в министерстве.

Торхус кивнул, словно бы сам себе. А потом, выставив вперед подбородок, заговорил вполголоса:

– Скоро ваш рейс, так что долго я вас не задержу. Но постарайтесь услышать то, что я вам скажу.

Он вынул руки из карманов пальто и скрестил их на груди.

– Сколько вам лет, Холе? Тридцать три? Тридцать четыре? Вы все еще способны сделать карьеру. Я навел о вас справки. Вы талантливы, вас ценит начальство. И покровительствует вам. Все так и будет продолжаться, пока дела идут хорошо. Но едва вы дадите маху, как тут же окажетесь в дерьме, и тогда вы можете увлечь за собой и вашего патрона. Тут вы и обнаружите, что так называемые друзья вдруг подевались кто куда. Так что если быстро бегать не получается, то попытайтесь, во всяком случае, удержаться на ногах, Холе. Для общего блага. Поверьте, это добрый совет старого конькобежца. – Он улыбнулся одними губами, в то время как глаза его изучающе смотрели на Харри. – Знаете что, Холе, меня всегда охватывает чувство обреченности, когда я оказываюсь в аэропорту Форнебю. Обреченности и отступления.

– Да что вы говорите! – сказал Харри и подумал, успеет ли купить пива в баре до вылета. – Да ладно. Здесь можно ощутить и кое-что хорошее. Обновление например.

– Хочется надеяться, – сказал Торхус. – Хочется надеяться.

Харри Холе поправил солнечные очки и взглянул на вереницу такси возле международного аэропорта Дон Муанг. Казалось, он попал в ванную, где только что выключили горячий душ. Он уже знал: от высокой влажности никакие ухищрения ни черта не помогают. Пусть себе пот стекает по телу, просто надо думать о чем-нибудь другом. Хуже со светом. Сквозь дешевый заляпанный пластик очков он бил в остекленевшие от алкоголя глаза, вызывая очередной приступ головной боли, до поры тихонько пульсировавшей в висках.

– *250 baht or metel taxi, sil?*

Харри пытался понять, что хочет сказать стоящий перед ним таксист. Перелет оказался сущим адом. В аэропорту Цюриха продавались только немецкие книжки, а в самолете показывали «Освободите Вилли-2».

– Лучше по счетчику, – сказал Харри.

Разговорчивый датчанин, сидевший рядом с ним в самолете, ничуть не смутившись тем фактом, что Харри был в стельку пьян, засыпал его советами о том, как избежать обмана в Таиланде, – тема поистине неисчерпаемая. Датчанин придерживался мнения, что все норвежцы – очаровательные простофили, а потому святой долг каждого датчанина – предостеречь их от надувательства.

– Ты должен везде торговаться, – поучал его датчанин. – Это главное, понял?

– А что будет, если я не стану торговаться?

– Тогда ты разоришь всех нас.

– Как то есть?

– Из-за тебя взлетят цены, и в Таиланде все станет дороже для тех, кто приедет после нас.

Харри внимательнее взглянул на собеседника. Бежевая рубашка «Мальборо», новенькие кожаные сандалии. Надо бы еще выпить.

– Сюрасак-роуд, сто одиннадцать, – сказал Харри, и шофер, улыбаясь, поставил чемодан в багажник и распахнул дверь такси: Харри забрался внутрь, заметив, что руль находится справа. – У нас в Норвегии переживают, что англичане не хотят отказываться от левостороннего движения, – проговорил он, пока они тряслись по шоссе. – Но недавно я услышал, что, оказывается, тьма народу ездит по левой, а не по правой стороне. Знаете, кто это?

Шофер посмотрел в зеркальце и улыбнулся еще шире:

– Сюрасак-роуд, *yes?*

– Китайцы, потому что в Китае левостороннее движение, – пробормотал Харри, радуясь, что дорога разрезает туманный, уставленный небоскребами ландшафт, словно прямая серая стрела. Потому что еще парочка крутых виражей – и омлет от «Свисс Эйр» вылетит на заднее сиденье.

– Почему счетчик не включен?

– Сюрасак-роуд, пятьсот батов, *yes?*

Харри откинулся на сиденье и посмотрел на небо. Вернее, он поднял глаза, но никакого неба не было видно, только мутная поволока, подсвеченная невидимым солнцем. Вот он, Бангкок, «город ангелов». Ангелы носили марлевые маски и, разрезая воздух ножом,

пытались вспомнить, какого цвета было небо в прежние времена.

Должно быть, он уснул, а когда открыл глаза, такси стояло. Он приподнялся на сиденье и увидел, что вокруг полным-полно машин. Лавчонки, открытые прилавки и мастерские лепились друг к другу вдоль тротуаров, кишущих народом, причем у всех прохожих был такой вид, будто они точно знают, куда направляются. И очень туда спешат. Шофер открыл окно, и к звукам радио примешалась городская какофония. В раскаленном салоне пахло выхлопом и потом.

– Пробка?

Шофер с улыбкой покачал головой.

На зубах у Харри закрипело. Что он там такое читал про свинец, который мы вдыхаем: он рано или поздно оседает в мозгах? И от этого мы становимся склеротиками. Или психами?

Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, машины снова двинулись с места, между ними, словно яростные насекомые, засновали мотоциклы и мопеды, отчаянно бросаясь наперерез в полнейшем презрении к смерти. Харри насчитал четыре вполне аварийные ситуации.

– Даже странно, что никого не задели, – сказал Харри, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Шофер взглянул в зеркальце и расплылся в улыбке.

– Задели. И не раз.

Когда они наконец остановились возле Управления полиции на Сюрасак-роуд, Харри уже решил про себя, что город ему не нравится. Надо будет сделать дело, стараясь поменьше дышать, и первым же самолетом, какой будет, вернуться домой в Осло.

– Добро пожаловать в Бангкок, *Халли*.

Начальник Управления был низенький, чернявый и, вероятно, решил продемонстрировать, что и здесь, в Таиланде, умеют приветствовать друг друга на западный манер. Он стиснул руку Харри и энергично затряс ее, широко улыбаясь.

– Сожалею, что мы не смогли встретить вас в аэропорту, но уличное движение в Бангкоке... – И он показал рукой на окно позади себя. – По карте это совсем недалеко, но...

– Я понимаю, что вы имеете в виду, сэр, – ответил Харри. – В посольстве мне сказали то же самое.

Они стояли друг напротив друга, не говоря ни слова. Начальник полиции все улыбался. В дверь постучали.

– Войдите!

В дверной проем просунулась гладко выбритая голова.

– Входите, Крамли. Прибыл норвежский детектив.

Вслед за головой показалось тело, и Харри дважды сморгнул, чтобы удостовериться, что глаза его не обманывают. У Крамли были широкие плечи, а рост почти как у Харри, на скулах перекатывались желваки, ярко-синие глаза сияли над прямым тонкогубым ртом. Картину довершали голубая полицейская рубашка, здоровенные кроссовки «наик» и юбка.

– Лиз Крамли, старший инспектор убийного отдела, – сказал начальник полиции.

– Говорят, ты просто суперски расследуешь убийства, Харри, – произнесла она с сильным американским акцентом и встала перед ним подбоченившись.

– Вот как! Не знаю, правда ли я...

– Не знаешь? Но ведь случилось что-то важное, раз уж тебя послали через пол земного

шара, а?

– Точно.

Харри прикрыл глаза. Вот в чем он меньше всего сейчас нуждался, так это в чересчур деятельной тетке.

– Я здесь, чтобы оказать помощь. *Если* смогу ее оказать. – Он заставил себя улыбнуться.

– Значит, настало время протрезветь, Харри?

Начальник полиции за ее спиной издал легкий смешок.

– Они тут у нас такие, – громко и отчетливо произнесла Крамли, словно шефа рядом и не было. – Делают все возможное, чтобы никто не потерял лицо. Именно сейчас он пытается спасти твое лицо. Я не шучу. Я отвечаю за убойный отдел, и, когда мне что-то не нравится, я говорю об этом прямо. Здесь это считается дурным тоном, но я все равно так поступаю вот уже десять лет.

Харри закрыл глаза.

– Вижу по твоей красной физиономии, что ты меня не одобряешь, Харри, но я не буду работать с пьяным инспектором, имей в виду. Приходи завтра. А сейчас я поищу кого-нибудь, кто отвезет тебя на твою квартиру.

Харри покачал головой и прокашлялся:

– Это аэрофобия!

– Что?

– Страх летать на самолетах. Джин-тоник помогает. А физиономия у меня красная, потому что джин начал выходить через поры.

Лиз Крамли посмотрела на него долгим взглядом. Потом почесала свой блестящий череп.

– Печально, инспектор. А как насчет смены часовых поясов? Сонливость не наблюдается?

– Ни в одном глазу.

– Отлично. Мы забросим тебя в квартиру по пути к месту преступления.

Квартира, которую ему выделило посольство, находилась в фешенебельном комплексе прямо напротив отеля «Шангри-Ла». Она была крохотная и по-спартански обставленная, но в ней имелись ванная и вентилятор у кровати, а из окна открывался вид на широченную коричневую реку Чао-Прайя. Харри устроился у окна. Длинные узкие деревянные лодки скользили туда-сюда, вздымая грязную воду своими моторами на длинных транцах. На другом берегу недавно построенные отели и торговые центры высились над сплошной массой домов из белого камня. Оценить размеры города было трудно, кварталы терялись в желто-коричневой мгле, но Харри предположил, что город большой. Очень большой. Он распахнул окно, и в квартиру ворвался уличный шум. Во время перелета у него заложило уши, но теперь он, поднявшись на лифте, впервые услышал, как оглушительно грохочет этот город.

Машина Крамли, стоявшая далеко внизу, была похожа на коробку из-под бутербродов. Харри открыл теплую банку пива, захваченную еще в самолете, и с удовлетворением отметил, что местное «Сингха» ничуть не лучше норвежского. Остаток дня казался уже более приемлемым.

Инспектор Крамли налегала на клаксон. В буквальном смысле. Навалилась грудью на руль громадного джипа «тойота», и машина гудела не переставая.

– Это совсем не по-тайски, – сказала она с улыбкой. – К тому же бесполезно. Сигналь не сигналь, тебя все равно не пропустят. Это что-то буддийское. Но я не собираюсь под них подлаживаться. Я, черт побери, из Техаса и не такая, как они.

И она вновь навалилась на руль, но водители вокруг демонстративно отворачивались.

– Значит, он так и лежит в номере мотеля? – спросил Харри, подавив зевок.

– Распоряжение сверху. Обычно мы производим вскрытие как можно быстрее и на следующий же день кремируем тело. Но хотят, чтобы ты все сам осмотрел. Не спрашивай меня зачем.

– Я ведь суперски расследую убийства, или ты уже забыла?

Она покосилась в его сторону, а потом повернула направо, проскочив в образовавшийся между машинами промежуток, и нажала на газ.

– Ты не очень-то рисуйся, красавчик. Думаешь, наверное, что тайцы считают тебя стоящим парнем, потому что ты *фаранг*. На самом деле скорее наоборот.

– *Фаранг?*

– Белый. Гринго. Полупренебрежительно-полунейтрально. Не забывай, что тайцы самолюбивы, даже если они обходятся с тобой почтительно. К счастью для тебя, со мной сегодня там будут два молодых полицейских, на которых ты наверняка произведешь впечатление. Во всяком случае, я на это надеюсь, для твоего же блага. Но если напьешься, у тебя появятся большие проблемы с нашим отделом.

– О господи, я уже начал думать, что ты здесь решаешь все.

– Так оно и есть.

Они выехали на автостраду, и она решительно выжала педаль газа, игнорируя недовольное ворчание мотора. Уже начало смеркаться, на западе вишнево-красное солнце опускалось в дымку между небоскребами.

– Во всяком случае, закаты от смога еще красивее, – сказала Крамли, словно отвечая на его мысли.

– Расскажи мне, как у вас тут обстоит с проституцией, – попросил Харри.

– Примерно так же, как с автомобильным движением.

– Это я понял. Но как она работает, каким образом организована? Это что, традиционная уличная проституция, с сутенерами, борделями и мамками, или шлюхи здесь на фрилансе? Ходят по барам, занимаются стриптизом, дают объявления в газетах, охотятся за клиентами в торговых центрах?

– Все перечисленное, и даже больше. Чего в Бангкоке нельзя попробовать, того вообще пробовать не стоит. Но большинство работает все же в стрип-барах, они танцуют там и пытаются раскрутить клиентов на спиртное, с чего получают проценты. Владельцы баров не отвечают за девочек, только дают им возможность зарабатывать, а те в свою очередь обязаны сидеть там до закрытия бара. Ежели клиент захочет снять девочку, он должен купить ее на остаток вечера. Деньги получает хозяин бара, а девочка обычно тоже рада: ей не надо стоять на сцене весь оставшийся вечер и крутить задом.

– Для хозяина, похоже, отличная сделка.

– То, что девочка получает потом, идет напрямик ей в карман.

– Та, которая нашла нашего норвежца, тоже из бара?

– Именно так. Она работает в одном из баров сети мотелей «Кинг Краун» в Патпонге.

Нам также известно, что иностранцам с особыми пожеланиями владелец мотеля предоставляет девочек по вызову. Но разговорить эту девушку очень непросто, поскольку в Таиланде и за проституцию, и за сводничество наказывают одинаково. Она твердит, что жила в мотеле и просто ошиблась дверью.

Лиз Крамли объяснила, что Атле Мольнес, по всей вероятности, заказал себе женщину сразу по прибытии в мотель, однако администратор, он же владелец, упорно отрицает это и повторяет, что просто сдал ему номер.

– Приехали.

Джип остановился перед низеньким каменным домиком белого цвета.

– Лучшие бордели Бангкока явно питают слабость к древнегреческим названиям, – саркастически заметила Лиз, выходя из машины.

Харри взглянул на большую неоновую вывеску, извещавшую, что мотель называется «Олимпусси». Буква «м» то и дело мигала, а «л» и вовсе не горела, отчего вид у заведения был унылый, как у норвежского придорожного гриль-бара.

Сам же мотель напоминал американский вариант: двухместные номера располагались вокруг патио, возле каждого номера имелась собственная парковка. Вдоль всей стены тянулась веранда, где постояльцы могли отдохнуть в серых от сырости плетеных креслах.

– Уютное местечко.

– Ты не поверишь, но когда оно только появилось, во время войны во Вьетнаме, то стало самым горячим в городе. Построено для сексуально озабоченных американских солдат, приехавших для «R&R».

– «R&R»?

– «Rest & Rehabilitation»^[5]. В народе это называли «1&1»: «Intercourse & Intoxication»^[6]. Солдаты прилетали сюда из Сайгона в двухдневный отпуск. Без U. S. Army секс-индустрия в этой стране никогда не стала бы тем, чем является сегодня. А одна из улиц Бангкока, прозванная «Сой-Ковбой» в честь одного из сутенеров, теперь называется так официально.

– А чем им там не нравилось? Ведь здесь-то почти деревня.

– Солдаты, которые тосковали по дому, больше всего хотели трахать девочек стопроцентно по-американски, а это значит – в машине или мотеле. Поэтому здесь и выстроили такой. В центре города они брали напрокат американские машины. Даже пиво в мини-барах номеров было исключительно американское.

– Господи, а ты-то откуда все это знаешь?

– Мать рассказывала.

Харри повернулся к ней, но, хотя оставшиеся неоновые буквы «Олимпусси» и светили голубоватым светом ей на макушку, было слишком темно, чтобы разглядеть выражение ее лица. Прежде чем войти в мотель, она натянула фуражку поглубже.

Номер был обставлен скромно, но грязноватые шелковые обои свидетельствовали о лучших временах. Харри пожегся. Но не при виде желтого костюма, облегчающего идентификацию убитого: Харри знал, что только члены Христианской народной партии и Партии прогресса могли добровольно разгуливать в подобной одежде. И не из-за ножа с восточным орнаментом на рукоятке, приколовшего желтый пиджак к спине, так что он

вздрыбился на плечах неэлегантным горбом. Нет, просто-напросто оттого, что в номере стоял жуткий холод. Крамли объяснила ему, что в здешнем климате трупы разлагаются очень быстро, и когда стало известно, что инспектора полиции из Норвегии придется ждать почти двое суток, то включили кондиционеры на полную мощность – на десять градусов и максимальную скорость вентиляции.

Тем не менее мухи выжили и в таких условиях и роем взвились над трупом, когда два молодых тайландских полицейских осторожно перевернули его на спину. Угасший взор Атле Мольнеса устремился вниз, словно он пытался разглядеть носки своих ботинок «Ессо». Посол на свои пятьдесят два не выглядел, вероятно, из-за мальчишеского чубчика. Выгоревший от солнца, взъерошенный, он упал ему на лоб, будто бы продолжая жить своей отдельной жизнью.

– Жена и дочь-подросток, – сказал Харри, – они что, не были здесь и не видели его?

– Нет. Мы проинформировали норвежское посольство, и нам обещали известить семью.

А до тех пор у нас распоряжение никого сюда не пускать.

– Это распоряжение от сотрудника посольства?

– Да, от советника посольства. Не помню, как ее зовут...

– Тонье Виг?

– Точно. Она просто в лице изменилась, когда мы перевернули убитого, чтобы установить его личность.

Харри изучающе посмотрел на посла. Был ли он привлекательным мужчиной? Таким, который, несмотря на безобразный костюм и складки жира на животе, мог покориť сердце молодой женщины – советника посольства? Загорелая кожа приобрела землистый оттенок, и синий кончик языка торчал наружу, словно пытался протиснуться между губами.

Харри сел на стул и огляделся вокруг. Внешность после смерти меняется быстро, и он достаточно навидался трупов, чтобы усвоить, что долго разглядывать их смысла нет. Все секреты, таящиеся в человеческой душе, Атле Мольнес унес с собой навсегда, а здесь осталась лишь пустая, покинутая оболочка.

Харри пододвинул стул к кровати. Оба молодых полицейских наклонились к нему поближе.

– Что ты видишь? – спросила Крамли.

– Я вижу норвежского потаскуна, который случайно оказался еще и послом, так что от комментариев я воздержусь из уважения к королю и отчизне.

Лиз недоуменно подняла на него глаза, вглядываясь.

– Несмотря на хорошие кондиционеры, пахнуть от него не перестало, – сказал он. – Но это уже моя проблема. Что же касается этого парня... – Харри оцупал челюсти мертвого посла. – Ригор мортис. Он окоченел, но трупное окоченение начинает проходить, два дня спустя это нормально.

Язык синий, однако нож в спине об удушении не свидетельствует. Надо проверить.

– Уже проверили, – ответила Крамли. – Посол пил красное вино.

Харри что-то пробормотал в ответ.

– Наш врач говорит, смерть наступила между шестнадцатью и двадцатью двумя часами, – продолжала она. – Посол покинул свой кабинет в половине девятого утра, а девушка нашла его около одиннадцати вечера, что несколько сужает временные границы.

– Между шестнадцатью и двадцатью двумя часами? Да это же целых шесть часов.

– Хорошо считаете, инспектор. – Крамли скрестила руки на груди.

– Между прочим, – взглянул на нее Харри, – в Осло мы обычно устанавливаем время смерти в пределах двадцати минут, если труп найден через несколько часов после убийства.

– Это потому, что вы там живете на Северном полюсе. А тут, когда на улице тридцать пять градусов, температура трупа не падает так резко. Время смерти устанавливается по ригор мортис, а это очень приблизительно.

– А что с трупными пятнами? Они обычно выступают через три часа после смерти.

– Сорри. Как ты сам видишь, посол любил загорать, так что пятна незаметны.

Харри провел указательным пальцем по ткани пиджака в том месте, где торчал нож. Под ногтем у него оказалось серое, похожее на вазелин вещество.

– Что это такое?

– Вероятно, орудие убийства было смазано жиром. Образцы посланы на анализ.

Харри быстро обыскал карманы покойного и извлек на свет коричневый потертый бумажник. Там оказались купюра в пятьсот батов, мидовское удостоверение и фотография улыбающейся девочки, лежащей на чем-то вроде больничной койки.

– Вы нашли у него что-нибудь еще?

– Ничегошеньки, – ответила Крамли и сняла с себя фуражку, чтобы отгонять круживших в номере мух. – Мы только проверили, что при нем было, и положили все обратно.

Расстегнув на трупе ремень, он приспустил его брюки, потом опять перевернул тело на живот. Затем задрал пиджак и рубашку.

– Смотрите. Немного крови стекло по спине.

Он оттянул резинку трусов «Довре».

– И еще между ягодицами. Следовательно, его убили не в постели, а закололи, когда он стоял. По высоте, на которую пришелся удар ножом, и по углу этого удара можно судить о росте убийцы.

– Только если мы предположим, что убийца, нанося удар, стоял рядом с жертвой, – добавила Крамли. – Но ведь убитый мог быть зарезан, лежа на полу, и тогда кровь потекла вниз, когда его перетаскивали на кровать.

– В таком случае кровь осталась бы на ковре, – возразил Харри, натянул на мертвого брюки, застегнул ремень и опять повернулся в ее сторону. – Кроме того, не надо ничего выдумывать, ты ведь сам это знаешь. Ведь ваши техники уже обнаружили волокна от ковра на его костюме, не так ли?

Она не отвела взгляда, но Харри понял, что разоблачил ее маленькую хитрость. Лиз едва кивнула, и он повернулся обратно к трупу:

– Плюс некая виктимологическая деталь, возможно подтверждающая, что он ждал даму.

– Вот как?

– Видите его ремень? Когда я его расстегнул, он был застегнут не на обычную, разношенную дырочку, а на две дырочки туже. Немолодые располневшие мужчины, встречаясь с молоденькими дамами, норовят утягиваться.

Трудно было сказать, какое впечатление произвели его слова на окружающих. Тайцы переминались с ноги на ногу, но их юные каменные лица не выражали ничего. Крамли откусила обломок ногтя и выплюнула, едва разжав губы.

– А здесь у нас, значит, мини-бар. – Харри распахнул дверцу маленького холодильника. – «Сингха», «Джонни Уокер» и «Канадиан Клуб» в маленьких флакончиках, бутылка белого вина. Похоже, тут ничего не трогали. Что у нас еще? – обратился Харри к двум тайцам.

Те переглянулись, потом один из них указал пальцем на двор:

– Машина.

Они вышли на стоянку, где стоял синий «мерседес» последней модели с дипломатическими номерами. Один из полицейских открыл дверцу со стороны водителя.

– Ключи? – спросил Харри.

– Лежали в кармане пиджака у... – И полицейский кивнул в сторону мотеля.

– Отпечатки пальцев?

Таец растерянно взглянул на шефа. Та кашлянула:

– Естественно, мы проверили ключи на отпечатки, Холе.

– Я не спросил, сняли ли вы отпечатки, меня интересует, *что* вы нашли.

– Там были его собственные отпечатки. Если мы тебе еще не успели об этом доложить.

Харри сдержался, чтобы не ответить резкостью.

В салоне сиденья и пол были завалены всяким барахлом. Харри заметил несколько журналов, кассеты, пустые сигаретные пачки, банку колы и сандалии.

– Что еще вы нашли?

Один из полицейских достал список и зачитал его. Кажется, его зовут Нхо, так он говорил? Иностранные имена нелегко запомнить. Наверное, то же верно в отношении его собственного имени. Нхо был по-мальчишески худощав, коротко подстрижен, с открытым, приветливым лицом. Но Харри знал, что через несколько лет это выражение изменится.

– Стоп, – сказал он. – Можешь повторить последние слова?

– Билеты тотализатора, сэр.

– Посол, видимо, посещал скачки, – сказала Крамли. – Что же, популярный вид спорта в Таиланде.

– А это что такое?

Харри наклонился к водительскому месту и поднял прозрачную пластиковую ампулу, застрявшую в щели между спинкой и сиденьем.

Полицейский заглянул в свой список, но ничего такого там не нашел.

– В подобных ампулах выпускается жидкий экстази, – объяснила Крамли, подойдя поближе, чтобы рассмотреть находку.

– Экстази? – Харри покачал головой. – Пожилые христианские демократы, может, и трахаются в бардаках, но вещества не употребляют.

– Ампулу проверим, – ответила Крамли. Было заметно, что она недовольна – еще бы, проморгать такую улику.

– А теперь посмотрим, что у нас сзади, – продолжал он.

Багажник машины был настолько же опрятен и чист, насколько захлавленным оказался салон.

– Аккуратист, – заключил Харри. – В салоне, скорее всего, хозяйничают жена и дочка, но в багажник он их не пускает.

В свете карманного фонарика, наведенного Крамли, блеснул ящик с инструментами. Здесь все сверкало чистотой, и лишь немного известки на отвертке говорило о том, что этот инструмент использовали.

– Еще немного виктимологии, ребятки. Предполагаю, что Мольнес особенно рукастым не был. Этот инструмент ни разу не вступал в контакт с двигателем. Зато его использовали, чтобы повесить дома, на каменной стенке, скажем, семейный портрет.

В тот же миг у него над ухом восторженно взвыл комар. Харри хлопнул себя по щеке, ощутив ладонью влажный холод собственной кожи. Солнце уже село, но жара не спадала,

зато ветер стих, и казалось, что влага сама выступает из пригорка у них под ногами и так пропитывает воздух, что его можно пить как воду. Рядом с запасным колесом лежал домкрат, с виду тоже ни разу не использовавшийся, и еще узкий коричневый кожаный кейс, вполне уместный в машине дипломата.

– Что в кейсе? – спросил Харри.

– Он заперт, – ответила Крамли. – Автомобиль формально считается территорией посольства и поэтому не входит в нашу юрисдикцию, так что мы не имеем права его вскрывать. Но если среди нас представитель Норвегии, то мы, возможно...

– Сожалею, но у меня нет дипломатического статуса, – сказал Харри, достал кейс из багажника и положил его на землю. – Но я утверждаю, что этот предмет больше не находится на норвежской территории, и поэтому предлагаю вам вскрыть его, пока я схожу в холл и побеседую с владельцем мотеля.

И Харри медленным шагом пересек патио. Ноги отекли после авиаперелета, рубашка намочила от пота, хотелось пить. Если не считать всего этого, то снова заняться делом оказалось не так уж и плохо. С последнего раза прошло немало времени. Он заметил, что «М» на вывеске тоже погасла.

«Ван Ли, менеджер», – было написано на визитке, которую протягивал Харри человек за стойкой; возможно, это был намек, что лучше бы зайти как-нибудь в другой раз. Костлявый, в цветастой рубашке, владелец мотеля прищурился и всем своим видом показывал, что не желает иметь с Харри никаких дел, по крайней мере сейчас. Он уткнулся в бумаги, но, увидев, что Харри все еще тут, недовольно фыркнул.

– Я смотрю, вы очень занятой человек, – сказал Харри. – Поэтому предлагаю побыстрее закончить беседу. Главное, чтобы мы поняли друг друга. Я ведь иностранец, а вы таец...

– Я не таец. Я китаец, – снова фыркнул он.

– Отлично, значит, и вы тут иностранец. Суть в том, что...

Из-за стойки послышались какие-то вздохи, вероятно означающие презрительный смех. Во всяком случае, Ван Ли открыл рот, показав редкие коричневые зубы.

– Никакой я не иностранец. Китаец. Это мы двигаем Таиланд вперед. Нет китайцев – нет бизнеса.

– Прекрасно. Вы бизнесмен, Ван. Тогда у меня есть деловое предложение. Вы владеете местным борделем, это факт, сколько бы вы ни перелистывали свои бумажки.

Китаец решительно качнул головой.

– Никаких шлюх. Просто мотель. Сдаю номера.

– Да успокойтесь же, меня интересует только убийство, я не занимаюсь сутенерами. И не собираюсь заниматься ими. А потому у меня есть деловое предложение. В Таиланде не особенно присматриваются к публике вроде вас, хотя бы потому, что вас таких здесь много. И просто заявить на вас, думаю, бесполезно, вы наверняка заносите кому-то баты в конверте, чтобы вас не прищучили. Поэтому вы нас и не особенно-то боитесь.

Владелец мотеля вновь замотал головой.

– Никаких денег. Это незаконно.

Харри улыбнулся.

– Насколько мне известно, Таиланд занимает третье место в мире по уровню коррупции. Пожалуйста, не держите меня за идиота.

И Харри понизил голос. Угрозы, как правило, действуют эффективнее, когда произносятся спокойным тоном.

– Ваша проблема, да и моя тоже, заключается в том, что убитый в гостиничном номере – дипломат моей страны. И если мне придется доложить о наших подозрениях, что убийство совершено в борделе, дело приобретет политическую окраску, и тогда ваши друзья из полиции уже не смогут вам помочь. Местные власти будут вынуждены прикрыть мотель, а Ван Ли окажется в тюрьме. Таким образом, они проявят добрую волю и продемонстрируют, что в этой стране соблюдают закон. Не так ли?

Трудно было угадать по непроницаемому азиатскому лицу, попал ли Харри в цель.

– Можно пойти иным путем, и тогда я доложу, что этого человека пригласила на свидание женщина, а мотель был выбран случайно.

Китаец взглянул на Харри. И часто заморгал, словно ему в глаз попала соринка. Потом он повернулся, откинул ковер, за которым скрывался дверной проем, и махнул Харри рукой. За ковром оказалась крохотная комнатенка, в ней стояли стол и два стула, и китаец жестом пригласил Харри сесть. Он поставил перед ним чашку и налил в нее чаю из чайничка.

Воздух наполнился резким ароматом перечной мяты, даже в глазах защипало.

– Ни одна из девочек не хочет здесь больше работать, пока в мотеле остается труп, – произнес Ванг. – Когда вы его уберете?

Бизнес есть бизнес, в любой стране мира, подумал Холе и зажег сигарету.

– Это зависит от того, как скоро мы выясним, что здесь произошло.

– Тот человек прибыл сюда около девяти вечера и сказал, что ему нужен номер. Изучил меню и заявил, что хочет видеть Дим, но сперва он должен отдохнуть. Сказал, что позвонит и вызовет ее. Я напомнил ему, что он обязан внести почасовую оплату. Он согласился и получил ключ.

– Что значит меню?

Китаец протянул ему что-то, действительно похожее на меню. Харри полистал бумажки. Там были фотографии юных таек – в костюме медсестры, в ажурных чулочках, в тесных лакированных корсетах и с плеткой в руках, в школьной форме и с косичками и даже в форме полицейского. Под каждым фото, под заголовком «Важная информация», указывался возраст, цена и квалификация. Харри заметил, что девушкам от восемнадцати до двадцати двух лет, цены колеблются от тысячи до трех тысяч батов и чуть ли не каждая из девочек владеет иностранным языком и имеет опыт работы медсестры.

– Он приехал один? – спросил Харри.

– Да.

– В его машине тоже никого не было?

Ван покачал головой.

– А почему вы так в этом уверены? У «мерседеса» тонированные стекла, а вы сидели в холле...

– Обычно я выхожу во двор, чтобы самому все проверить. Бывает, что кто-нибудь берет с собой товарища. Если их двое, они должны заплатить за двухместный номер.

– Понимаю. Двухместный номер – двойная цена?

– Ничего не двойная. – И Ванг снова обнажил гнилые зубы. – Вскладчину дешевле.

– Что произошло потом?

– Не знаю. Тот человек подъехал на машине к номеру сто двадцать, где теперь и лежит. Номер расположен в глубине патио, и я мало что мог разглядеть в темноте. Я позвонил Дим, она приехала сюда и стала ждать вызова. Прошло некоторое время, и тогда я сам послал ее в номер клиента.

– А в кого вырядилась Дим? В кондуктора трамвая?

– Нет-нет. – И Ван перелистал меню, а затем с гордостью показал фото юной улыбающейся тайки в коротком платьице с серебряными блестками и в белых коньках. Она выставила вперед одну ногу, чуть присев на другой и разведя руки в стороны, будто только что успешно откатала программу. На загорелом лице были намалеваны крупные рыжие веснушки.

– Имеется в виду... – недоверчиво произнес Харри и прочел имя, стоявшее под фотографией.

– Да-да, Тоня Хардинг. Та, которая победила других американок, та самая, красоточка. Дим может изобразить ее, если хотите...

– Нет, спасибо, – ответил Харри.

– Она очень популярна. Особенно среди американцев. Умеет плакать когда захочешь.

И Ван провел указательным пальцем по ее щекам.

– Она нашла его в номере лежащим с ножом в спине. Как это случилось?

– Дим прибежала сюда и ужасно кричала.

– Как, прямо на коньках?

Ван укоризненно посмотрел на Харри.

– Коньки надевают, уже сняв трусы.

Харри согласился, что так и правда удобнее, и махнул рукой, призывая китайца продолжать.

– Мне больше нечего сказать, господин полицейский. Мы вернулись в номер и удостоверились, что все так и есть, а затем я запер дверь и позвонил в полицию.

– По словам Дим, дверь была открыта, когда она вошла в номер. И все-таки, была ли она приоткрыта или просто не заперта?

Ван пожал плечами.

– Дверь была закрыта, но не заперта. Это важно?

– Никогда не знаешь, что может оказаться важным. Вы не заметили поблизости от номера кого-нибудь еще тем вечером?

Ван покачал головой.

– А где у вас книга посетителей? – спросил Харри. Он начал уставать от этого разговора.

Китаец вскинул глаза:

– Нет никакой книги.

Харри молча смотрел на него.

– Нет никакой книги, – повторил китаец. – Зачем нам она? Сюда же никто не станет приходить, если придется регистрироваться и сообщать имя и адрес.

– Я не идиот, Ван. Никто и не думает о регистрации, но сами-то вы, разумеется, ведете запись. Так, на всякий случай. Здесь наверняка попадают важные персоны, и книга посетителей может пригодиться, если у вас в один прекрасный день возникнут проблемы. Не правда ли?

Китаец моргнул по-лягушачьи.

– Не капризничайте, Ван. Тому, кто не замешан в убийстве, нечего бояться. Особенно если он не публичная персона. Слово чести. Ну, давайте сюда книгу.

Она оказалась маленьким блокнотом, и Харри быстро просмотрел странички, заполненные убористыми записями с непонятными тайскими значками.

– Сюда придет один из полицейских и сделает копию, – сказал он.

У «мерседеса» его дожидались все трое. Горели фары, и на освещенном патио лежал вскрытый кейс.

– Нашли что-нибудь?

– Похоже, у посла были особые сексуальные пристрастия.

– Знаю. Тоня Хардинг. Я называю это сексуальным извращением.

Внезапно Харри застыл перед кейсом. В желтых лучах фар отчетливо выступили все детали на черно-белой фотографии. Его пробрала дрожь. Конечно же он слышал о подобном, даже читал рапорты и разговаривал об этом с коллегами из отдела половых преступлений, но впервые в жизни *увидел*, как взрослый насилует ребенка.

Они ехали по Сукхумвит-роуд, вдоль которой бок о бок стояли трехзвездочные отели, роскошные виллы и хибары из досок и листов жести. Но Харри не смотрел по сторонам, взгляд его уперся в одну точку.

– Движение сейчас посвободнее, – сказала Крамли.

– Ага.

Она улыбнулась одними губами.

– Извини, но в Бангкоке мы обсуждаем трафик, как в других местах говорят о погоде. Стоит пожить здесь совсем недолго, как становится понятно – почему. Погода одна и та же с января по май. Летом муссоны приносят дожди. И тогда льет три месяца, не переставая. Больше о погоде сказать нечего. Кроме того, что у нас жарко. Мы повторяем это друг другу круглый год, и потом разговор иссякает сам собой. Ты меня слушаешь?

– Мм.

– Другое дело транспорт. Он влияет на повседневную жизнь в Бангкоке больше, чем какой-нибудь тайфун. Я никогда не знаю наверняка, в котором часу доберусь до работы, когда утром сажусь в машину: дорога может занять от сорока минут до четырех часов. А десять лет назад я тратила на нее двадцать пять минут.

– Что же случилось?

– Рост. Экономический рост – вот что. За последние двадцать лет произошел экономический бум, и Бангкок сделался «кукушонком» Таиланда. Здесь есть рабочие места, люди приезжают в город из деревень. Все больше народу торопится на работу по утрам, все больше ртов необходимо накормить, все больше грузов надо перевезти. Число машин выросло, а политики только обещают нам новые дороги и потирают руки, радуясь хорошим временам.

– Но времена действительно хорошие?

– Не то чтобы мне не нравилось, что обитатели бамбуковых хижин покупают себе цветные телевизоры, но все происходит ужасно быстро. И если ты меня спросишь, то я отвечу, что рост ради самого роста – это логика раковой опухоли. Скажу больше: я даже рада, что в прошлом году мы уперлись в стенку А после девальвации валюты наша экономика словно бы оказалась в морозилке. И это уже заметно по дорожному движению.

– То есть раньше на дорогах было еще хуже, чем теперь?

– Вот именно. Смотри...

И Крамли показала пальцем на гигантскую парковку, где стояли сотни бетономешалок.

– Год назад эта стоянка была почти пуста, но теперь мало кто занимается строительством, так что, как видишь, флот встал на прикол. А в торговые центры народ ходит только ради кондиционеров, торговля практически замерла.

Некоторое время они ехали молча.

– Как ты думаешь, кто стоит за всем этим паскудством? – спросил Харри.

– Валютные спекулянты.

Он непонимающе уставился на нее.

– Я о снимках.

– А-а. – Она бросила на него беглый взгляд. – Что, не одобряешь?

Он пожал плечами.

– Я особой толерантностью не отличаюсь. Иногда я даже готов поддержать смертную казнь.

Инспектор Крамли посмотрела на часы.

– По дороге к тебе мы будем проезжать ресторан. Что скажешь о блиц-курсе традиционной тайской кухни?

– С удовольствием. Но ты не ответила на мой вопрос.

– Кто стоит за фотками? Харри, в Таиланде самое большое число извращенцев по сравнению с остальными странами. Сюда приезжают ради нашей секс-индустрии, которая удовлетворяет любые желания. Я подчеркиваю – любые. Так откуда же мне знать, кто стоит за этой детской порнухой?

Харри сморщился и покрутил шеей.

– Я просто спросил. Не случилось ли в Таиланде какого скандала с посольским педофилом пару лет назад?

– Действительно, мы раскрутили одно такое дело о педофилии, в котором были замешаны иностранные дипломаты, в том числе посол Австралии. Дело крайне неприятное.

– Но не для полиции?

– Вот еще! Для нас это было все равно что выиграть чемпионат мира по футболу и одновременно получить «Оскар». Премьер-министр прислал нам поздравительную телеграмму, министр по туризму был в восторге, на нас пролился дождь наград. Знаешь, такие события укрепляют престиж полиции в глазах людей.

– Так с чего мы начнем поиски?

– Даже не представляю. Во-первых, все те, кто был замешан в том деле, сидят в тюрьме или высланы из страны. Во-вторых, я вовсе не уверена, что фотографии имели какое-то отношение к убийству.

Крамли свернула на парковку, где стоял охранник, показывая им на немисливо узкий просвет между двумя машинами. Она нажала на кнопку, зажужжала электроника, и большие стекла по обе стороны джипа поползли вниз. Тогда она переключилась на заднюю передачу и нажала на газ.

– Вряд ли... – начал было Харри, но старший инспектор уже припарковалась. Боковые зеркала все еще дрожали. – Как же мы теперь выйдем? – спросил он.

– Не стоит так волноваться, инспектор.

Упершись обеими руками, она вылезла в боковое окно, поставила ногу на крыло машины и спрыгнула. С некоторым усилием Харри повторил этот маневр.

– Постепенно научишься, – сказала она и направилась вперед. – Бангкок – тесный город.

– А как же магнитола? – напомнил ей Харри и обернулся на соблазнительно открытое окно джипа. – Ты что, рассчитываешь найти ее там же, когда мы вернемся?

Она показала полицейский жетон охраннику, тот сразу же вскочил.

– Да.

– На ноже никаких отпечатков, – сказала Крамли и довольно причмокнула. «Сом-там», что-то вроде зеленого салата с папайей, оказался не таким уж экзотическим, как ожидал Харри. Но вкусным. И острым.

Крамли шумно втянула в себя пивную пену. Он тотчас оглянулся на соседей, но, похоже, никто не обратил на них никакого внимания, скорее всего потому, что звук заглушала полька, которую наябривал местный струнный оркестр в глубине зала и которую в свою очередь

перекрывал гул транспорта на улице. Харри решил, что выпьет две кружки пива. И все на этом. А по дороге домой, допустим, прихватить блок из шести банок.

– А что можно сказать об орнаменте на рукоятке?

– Нхо считает, что нож откуда-то с севера, такие в ходу у горных племен в провинции Чиан-грай или где-то по соседству Судя по инкрустации цветным стеклом. Нхо не уверен на сто процентов, но в любом случае нож необычный, такой не купишь в местных лавочках, так что завтра мы пошлем его профессору-искусствоведу из музея Бенчамабопхит. Он знает все о старинных ножах.

Лиз махнула рукой, и подошедший официант налил ей из супницы дымящегося супа из кокосового молока.

– Поосторожнее с беленькими. И с красненькими, они обжигают, – сказала она, указывая ложкой. – Кстати, с зелененькими тоже.

Харри скептически разглядывал различные ингредиенты кушанья в своей миске.

– А что тут можно есть без опасений?

– Корень галанга, думаю, о'кей.

– У тебя есть версии? – спросил он нарочито громко, чтобы не слышать, как она прихлебывает.

– Насчет возможного убийцы? Конечно. Множество. Во-первых, это могла быть сама проститутка. Или владелец мотеля. А может, и сразу оба. Это первое, что пришло в голову.

– И какие же у них мотивы?

– Деньги.

– В бумажнике Мольнеса лежало пятьсот батов.

– Поскольку он доставал бумажник в холле мотеля, наш друг Ван мог увидеть, что денег там гораздо больше, что вполне вероятно, а значит, соблазн оказался слишком велик. Ван мог и не знать, что тот дипломат и что разгорится такой скандал.

– И как же все происходило?

Крамли, энергично подняв вилку, наклонилась вперед.

– Они поджидают, пока посол пройдет к себе в номер, стучатся и всаживают в него нож, как только он, открыв дверь, поворачивается к ним спиной. Он падает прямо на постель, они опустошают его бумажник, но при этом оставляют там пятьсот батов, чтобы дело не походило на ограбление. Затем выжидают три часа и звонят в полицию. У Вана наверняка есть дружок в участке, который проследил, чтобы все прошло гладко. Ни мотива, ни подозреваемых, все ведь хотят замять дело о проституции. Следующий, пожалуйста!

Вдруг у Харри глаза полезли из орбит. Он судорожно схватил кружку и поднес ко рту.

– Красненький попался? – усмехнулась Крамли.

Харри тяжело перевел дух.

– Ну что ж, неплохая версия, старший инспектор. Но полагаю, ты ошибаешься, – с трудом выговорил он.

Она наморщила лоб:

– А как по-твоему?

– Во-первых: ты согласна, что женщина не смогла бы совершить убийство без помощи Вана?

Крамли задумалась.

– Давай прикинем. Если Ван в этом не участвовал, то можем исходить из того, что он не лжет. Значит, она не могла его убить раньше, чем вошла туда в половине двенадцатого. Но

врач утверждает, что убийство произошло не позднее десяти часов. Я согласна, Холе, она не могла убить его сама.

Парочка за соседним столом в недоумении уставилась на Крамли.

– Прекрасно. Во-вторых, ты предполагаешь, что Ван на момент убийства не знал о дипломатическом статусе Мольнеса, иначе он не убил бы его, поскольку разгорелся бы скандал, раз клиент не простой турист. Правильно?

– Ну...

– Мужик, между прочим, тайно ведет запись посетителей, у него наверняка целый список политиков и государственных чиновников. День и час каждого посещения мотеля. Так, на всякий случай, чтобы было чем шантажировать, если кто-то вздумает наехать на его заведение. Но когда появляется кто-то, кого он не знает в лицо, то не потребуешь ведь документы? И тогда он выходит во двор, якобы удостовериться, нет ли кого еще в машине, так? А на самом деле – чтобы выяснить, кто такой этот клиент.

– Я тебя не понимаю.

– Он записал наш номер машины, ясно? А потом пробил по базе. Увидев синий номер «мерседеса», он тут же смекнул, что Мольнес – дипломат.

Крамли задумчиво посмотрела на него. Потом молниеносно развернулась и уставилась на соседний столик. Сидевшая там парочка вздрогнула и уткнулась в свои тарелки.

Крамли почесала ногу вилкой.

– Дождя не было уже три месяца, – произнесла она.

– Прости, что?

Она махнула официанту, чтобы тот принес счет.

– Это имеет какое-то отношение к делу? – спросил Харри.

– Да не особенно, – ответила она.

Близилось три часа ночи. Уличный шум заглушало ровное гудение вентилятора на ночном столике. Лишь изредка Харри слышал, как тяжелый грузовик проезжает по мосту Таксин-бридж или одинокий речной теплоход гудит, отходя от причала на Чао-Прайя.

Заперев за собой дверь квартиры, он увидел, что на телефоне мигает красная лампочка, и, нажав на автоответчик, прослушал два сообщения. Одно было из норвежского посольства. Советник Тонье Виг говорила несколько в нос – либо родом из Осло, либо хочет, чтобы все так думали. Своим гнусавым голосом она просила Харри быть в посольстве в десять часов утра, но под конец сообщения изменила время на двенадцать, так как обнаружила, что у нее уже назначена встреча на четверть одиннадцатого.

Второе сообщение оказалось от Бьярне Мёллера. Он просто пожелал Харри успеха. По его голосу было понятно, что он не очень-то любит автоответчики.

Харри упал на кровать, не зажигая света. Он так и не купил себе шесть банок пива. Шприцы с витамином B₁₂ лежали в чемодане. После запоя в Сиднее он вообще не мог пальцем пошевелинуть, и всего лишь один шприц поднял его на ноги. Он вздохнул. Когда он принял решение? Когда согласился на эту работу в Бангкоке? Нет, раньше, несколько недель назад, когда он назначил сам себе крайний срок: день рождения Сестрёнъша.

Бог ведает, почему он все-таки решился. Может, ему надоело отсутствовать. Когда день проходит за днем, не оставляя следа в памяти. И все такое. Он терпеть не мог рассуждений в духе старинной комедии про Еппе, который больше не пьет^[7]. А просто брал и принимал решения, раз и навсегда. Без всяких компромиссов, без отсрочек. «Я могу завязать хоть

сегодня». Сколько раз он слышал это от парней из «Шрёдера», пытавшихся убедить себя, что они не законченные алкоголики? Сам-то он, конечно, законченный, но зато он единственный из них действительно может завязать, когда захочет. До дня рождения еще девять дней, но раз Эуне сказал, что командировка может стать хорошим поводом, то Харри решил начать не откладывая.

Застонав, он перевернулся на другой бок.

Интересно, что сейчас делает Сестрёныш, если осмелилась выйти из дома сегодня вечером? И позвонила ли она отцу, как обещала? И сможет ли он действительно поговорить с ней, не ограничиваясь односложными «да» и «нет»?

Шел уже четвертый час утра, и пусть в Норвегии еще только девять вечера, но Харри уже вторые сутки на ногах, так что заснуть вроде бы не проблема. Но едва он закрывал глаза, как перед ним появлялась фотография маленького голого тайского мальчика, освещенная автомобильными фарами, и Харри снова открывал глаза. Пожалуй, все-таки надо было купить блок пива. Когда он наконец уснул, уже светало, и на Таксин-бридж вновь загудел транспортный поток.

Нхо вошел в Управление полиции через главный вход и остановился, увидев, как высокий светловолосый полицейский пытается что-то втолковать улыбающемуся охраннику.

– Доброе утро, мистер Холе, могу ли я помочь? Харри обернулся. Глаза у него были опухшие и красные.

– Да, проведи меня мимо этого упрямого осла. Нхо кивнул охраннику, и тот посторонился, пропуская их.

– Он утверждает, что не помнит меня со вчерашнего дня, – возмутился Харри, пока они ожидали лифта. – Черт побери, разве он не должен помнить хотя бы то, что было вчера?

– Не знаю. Вы уверены, что вчера дежурил именно он?

– Во всяком случае, кто-то очень похожий на него.

Нхо пожал плечами.

– Может, для тебя все тайцы на одно лицо? Харри уже собрался ответить, когда заметил на губах Нхо язвительную улыбочку.

– Вот именно. А ты пытаешься объяснить мне, что мы, белые, для вас тоже все одинаковые?

– Да нет. Мы видим разницу между Арнольдом Шварценеггером и Памелой Андерсон.

Харри широко улыбнулся. Ему нравился этот молодой полицейский.

– Ладно. Понимаю. Один-ноль в твою пользу, Нхо.

– Нхо.

– Нхо, да. Разве я сказал не так?

Нхо с улыбкой покачал головой.

Лифт оказался битком набит и так пахуч, что втиснуться в него было все равно что в сумку с несвежим тренировочным костюмом. Харри на две головы возвышался над остальными. Некоторые подняли на него глаза, одобрительно улыбаясь. Один из них спросил Нхо о чем-то и затем произнес:

– А, Norway... that's... that's... I can't remember his name... please help me^[8].

Харри улыбнулся и попробовал с сожалением развести руками, но в лифте было слишком тесно.

– Yes, yes, very famous!^[9] – настаивал собеседник.

– Ибсен? – попробовал помочь ему Харри. – Нансен?

– No, no, more famous!^[10]

– Гамсун? Григ?

– No, no. – Человек раздосадованно посмотрел на них, когда они вышли на пятом этаже.

– Твой кабинет, – Крамли показала пальцем.

– Здесь уже кто-то сидит, – возразил Харри.

– Не там. А вон там.

– Там?

И он устался на стул, втиснувший между другими за длинным-предлинным столом, где бок о бок сидели сотрудники. Места на куске стола напротив его стула хватало как раз для блокнота и телефонного аппарата.

– Посмотрим, может, я смогу устроить тебя в другом месте, если тебе придется у нас

задержаться.

– Надеюсь, этого не произойдет, – пробормотал Харри.

Инспектор собрала свою команду на утреннюю летучку. Собственно, в команду входили Нхо и Сунтхорн, двое полицейских, которых Харри уже видел накануне вечером, и еще Рангсан, самый старший из сотрудников отдела.

Рангсан сидел, углубившись в газету, и делал вид, что внимательно читает, но время от времени вставлял свои комментарии по-тайски, которые довольная Крамли тут же записывала в маленькую черную книжечку.

– Отлично, – сказала она, захлопнув книжку. – Итак, мы впятером попробуем раскусить этот орешек. Среди нас есть норвежский коллега, поэтому все общение отныне будет идти по-английски. Начнем с технической экспертизы. Рангсан говорил с парнем из технического отдела. Пожалуйста.

Рангсан бережно свернул газету и откашлялся. У него были жидкие волосы, очки на шнурке сползли на кончик носа, – всем своим видом он напоминал Харри школьного учителя, снисходительно и несколько саркастически взирающего на окружающий мир.

– Я разговаривал с Супавади из технического. Они нашли целую кучу отпечатков в номере мотеля, что неудивительно, но ни одни из них не принадлежали убитому.

Другие отпечатки идентифицированы не были.

– Это не так-то легко сделать, – пояснил Рангсан. – Даже если «Олимпусси» посещает не так много клиентов, все равно там осталось не менее сотни отпечатков.

– А что, нет отпечатков на дверной ручке? – спросил Харри.

– К сожалению, их там слишком много. И ни одного целого.

Крамли положила ноги в найковских кроссовках на стол.

– Мольнес, по всей видимости, сразу лег в постель, едва войдя в номер, так что не успел особо наследить. И по меньшей мере два человека брались за ручку двери после убийства – Дим и Ван. – Она кивнула Рангсану, который снова было развернул газету. – Вскрытие показало, как мы и предполагали, что посол был заколот ножом. Нож проколол левое легкое и угодил прямо в сердце, так что перикард наполнился кровью.

– Тампонада, – вставил Харри.

– Что?

– Так это называется. Все равно что засунуть вату в колокольчик: сердце не в состоянии биться и захлебывается собственной кровью.

Крамли скривилась.

– О'кей, оставим пока технические детали и вернемся к общей картине преступления. Кстати, наш норвежский коллега уже отверг версию о том, что мотивом убийства послужило ограбление. Может, расскажешь нам, Харри, что ты думаешь об этом убийстве?

Все повернулись к нему. Харри покачал головой.

– Я пока ничего не думаю. Просто я считаю, что в этом деле есть две странные вещи.

– Мы все внимание, инспектор.

– Хорошо. ВИЧ ведь широко распространен в Таиланде, не так ли?

Воцарилось молчание. Рангсан выглянул из-за края газеты:

– У нас полмиллиона инфицированных, согласно официальной статистике. В ближайшие пять лет прогнозируется от двух до трех миллионов носителей вируса.

– Благодарю за информацию. У Мольнеса не было с собой презервативов. Много вы знаете людей, которые решились бы на секс с проституткой в Бангкоке без презерватива?

Никто не ответил. Рангсан что-то буркнул по-тайски, двое других тайцев громко захохотали.

– Гораздо больше, чем ты думаешь, – перевела ему Крамли.

– Всего пару лет назад мало кто из проституток в Бангкоке вообще знал, что такое ВИЧ, – сказал Нхо. – Но теперь многие из них сами берут с собой презервативы.

– Допустим. Но если я отец семейства, как Мольнес, то я, скорее всего, позабочусь о том, чтобы тоже иметь презервативы, ради своей же безопасности.

Сунтхорн фыркнул:

– Если бы я был отцом семейства, я не пошел бы к *сонхени*.

– К проститутке, – перевела Крамли.

– Разумеется. – Харри рассеянно постукивал карандашом по ручке стула.

– Что еще странного ты нашел в этом деле, Харри?

– Деньги.

– Деньги?

– У него с собой было всего пятьсот батов, то есть примерно десять американских долларов. Но девочка, которую он снял, стоит тысячу пятьсот батов.

На мгновение все притихли.

– Хороший вопрос, – сказала Крамли. – Но может, она обеспечила себе гонорар до того, как подняла тревогу, обнаружив, что он мертв?

– Ты имеешь в виду, что она его ограбила?

– Именно. Выполнила свою часть договора.

Харри кивнул:

– Возможно. Когда мы сможем поговорить с ней?

– После обеда. – Крамли снова откинулась на стул. – Если желающих выступить больше нет, то все свободны.

Желающих не было.

По совету Нхо Харри выкроил сорок пять минут, чтобы съездить в посольство. Спускаясь в переполненном лифте, он услышал знакомый голос:

– I know now, I know now!^[11] Сульшер! Сульшер!

Харри повернул голову и, соглашаясь, улыбнулся в ответ.

Так вот кто самый известный норвежец в мире. Футболист, нападающий, из английского промышленного города, потеснил всех наших первооткрывателей, художников и писателей. Поразмыслив немного, Харри решил, что мужчина в лифте по-своему прав.

На восемнадцатом этаже за дубовой дверью и двумя кордонами секьюрити Харри нашел наконец металлическую табличку с норвежским геральдическим львом. Женщина за стойкой, юная миловидная тайландка с маленьким ротиком, еще меньшим носиком и бархатными карими глазами на круглом лице, наморщила лоб, изучая его документы. Затем она сняла телефонную трубку, тихонько произнесла три слога и положила ее.

– Кабинет мисс Виг второй справа, сэр, – сказала она с такой очаровательной улыбкой, что Харри подумал было, а не влюбиться ли в нее с первого взгляда.

– Войдите, – раздался голос из-за двери, когда Харри постучал.

В кабинете, склонившись над большим письменным столом красного дерева, сидела Тонье Виг, погруженная в свои записи. Она подняла на вошедшего глаза, слегка улыбнувшись, стремительно встала со стула – высокая, худощавая, одетая в белый шелковый костюм, – и протянула Харри руку для приветствия.

Тонье Виг представляла собой полную противоположность секретарше-тайландке. Казалось, на ее продолговатом лице сражались за место нос, рот и глаза, и верх, судя по всему, одержал нос. Он напоминал какой-то узловатый корнеплод и обеспечивал минимум пространства между огромными, сильно подведенными глазами. Не то чтобы фрёкен Виг была страшенькая, нет, некоторые мужчины даже взяли бы утверждать, что ее лицо отличается своеобразной классической красотой.

– Как мило, что вы наконец здесь, инспектор. Жаль только, что по такому печальному поводу Харри едва успел коснуться ее костлявых пальцев, как она отдернула руку.

Она спросила, устраивает ли его посольская квартира, а в конце поинтересовалась, чем ему может помочь она лично или кто-то из других сотрудников посольства.

– Мы все очень хотим покончить с этим делом как можно скорее, – сказала она и потерла крыло носа, осторожно, чтобы не размазать макияж.

– Я понимаю.

– Для нас это были тяжелые дни, и возможно, мои слова прозвучат жестоко, но жизнь идет своим чередом, и мы вместе с ней. Люди думают, что дипломаты только и делают, что ходят по приемам, пьют коктейли и развлекаются, но должна вам сказать, что это не соответствует действительности. Как раз сейчас я занимаюсь нашими согражданами: у меня восемь норвежцев в больнице и шестеро – в тюрьме, причем четверо из них сидят за хранение наркотиков. Газетчики из «Вердене Ганг» звонят каждый день. Оказывается, одна из заключенных ждет ребенка. А в прошлом месяце умер один норвежец в Паттайе: выпал из окна. Два трупа за год. Масса хлопот. – Она удрученно покачала головой. – Пьяные матросы и торговцы героином. Вы еще не видели местных тюрем? Ужасное зрелище. А если кто-то теряет паспорт, думаете, у него есть страховка или деньги на обратный билет? Конечно нет, обо всем должно позаботиться посольство. Ладно, вернемся к делу.

– Как я понимаю, именно к вам автоматически переходят обязанности посла в случае его смерти.

– Да, я – поверенный в делах.

– Как скоро будет назначен новый посол?

– Думаю, долго ждать не придется. Обычно это занимает месяц-два.

– Вам не очень нравится одной отвечать за все?

Тонье Виг криво улыбнулась.

– Я не это имела в виду. Фактически я уже была в ранге поверенного в делах целых полгода, пока к нам не прислали Мольнеса. Я только хочу сказать, что надеюсь на скорейшее решение вопроса о назначении.

– Значит, вы рассчитываете на то, что сами станете послом.

– Допустим, – сказала она, приподняв уголки рта. – Это было бы совершенно естественно. Но боюсь, нам никогда не угадать, что решит Министерство иностранных дел Королевства Норвегия.

В кабинет скользнула тень, и перед Харри возникла чашка.

– Вы пьете *чаа раун*? – спросила фрёкен Виг.

– Не знаю.

– Простите, – улыбнулась она. – Я забыла, что вы у нас новичок. Это тайландский черный чай. Видите ли, я практикую здесь *high tea*^[12]. Хотя, если строго следовать английской традиции, чай следует пить после двух часов.

Харри поблагодарил за угощение, и, когда в следующий момент опустил глаза, в его чашке уже было что-то налито.

– Я-то думал, что эти традиции исчезли вместе с английскими колонизаторами.

– Таиланд никогда не был колонией, – улыбнулась она. – Ни английской, ни французской, в отличие от соседних стран. И тайцы страшно гордятся этим. Слишком гордятся, на мой взгляд. Немного английского влияния еще никому не помешало.

Харри достал блокнот и спросил, не мог ли посол оказаться замешанным в какой-нибудь афере.

– Афере, инспектор?

Он кратко пояснил, что он понимает под аферой и что более семидесяти процентов совершенных убийств связано с тем, что жертва занималась чем-то незаконным.

– Незаконным? Мольнес? – Она замотала головой. – Он не такой... не был таким.

– Вы не знаете, враги у него были?

– Даже представить себе не могу. Почему вы спрашиваете? А может, это никакое не политическое убийство?

– У нас пока слишком мало фактов, так что мы рассматриваем все возможные версии.

Фрёкен Виг рассказала, что в понедельник, когда его убили, Мольнес уехал на встречу сразу же после обеда. Он не сообщил, на какую именно, но в этом не было ничего необычного.

– У него с собой всегда был мобильный телефон, так что мы могли переговорить с ним, если возникали какие-то дела.

Харри попросил разрешения осмотреть кабинет посла. Фрёкен Виг пришлось провести его еще через две двери, установленные «в целях безопасности», чтобы наконец отпереть третью, которая вела в искомый кабинет. Там ничего не трогали, как и просил Харри перед отлетом из Осло. Повсюду великое множество бумаг, папок, сувениров: они громоздились на полках, ими были увешаны стены.

Над грудой бумаг висел портрет норвежской королевской четы: король и королева величественно взирали вниз, прямо на посетителей, а окна кабинета, по словам Виг, выходят на Куинз-Риджент-парк.

Харри нашел ежедневник, но записей в нем было немного. Он проверил день, когда произошло убийство, но на эту дату стояла одна-единственная пометка: «Ман Ю», знакомое

сокращение «Манчестер Юнайтед», если он не ошибается. Наверное, посол записал для памяти, когда по телевизору будут транслировать футбольный матч, подумал Харри, и по служебной привычке выдвинул ящики письменного стола, но тут же понял, что одному ему не справиться: безнадежно обыскивать кабинет посла, если не знаешь, что именно искать.

– А где его мобильник? – спросил Харри.

– Как я и говорила, он всегда носил его с собой.

– Но в мотеле мы не обнаружили никакого телефона. И я не думаю, что убийца был вором.

Фрёкен Виг пожала плечами.

– Может, кто-то из ваших тайских коллег его «конфисковал»?

Харри предпочел воздержаться от комментариев и вместо этого спросил, не звонил ли Мольнесу в тот день кто-нибудь из посольства. Фрёкен Виг заколебалась, но пообещала узнать. Харри в последний раз окинул взглядом кабинет.

– Кто из посольских последним видел Мольнеса?

Она задумалась.

– Должно быть, Санпхет, его шофер. Они с послом были добрыми друзьями. Шофер очень тяжело переживает утрату, поэтому я отпустила его на пару дней.

– Почему же он не отвез посла на встречу в день убийства, раз он шофер?

Она пожала плечами.

– Я тоже думала об этом. Посол не любил ездить по Бангкоку один.

– Гм. А что вы можете рассказать мне о шофере?

– О Санпхете? Он служит в посольстве с незапамятных времен. Никогда не бывал в Норвегии, но знает названия всех норвежских городов. И еще имена всех королей. И Грига любит. Не знаю, есть ли у него дома проигрыватель, но мне кажется, он собрал все существующие диски с музыкой Грига. Очень приятный пожилой таец. – Она наклонила голову набок и обнажила десны.

Харри спросил, не знает ли она, где можно встретиться с Хильде Мольнес.

– Она у себя дома. Боюсь, в ужасном состоянии. Я хотела бы посоветовать вам подождать немного, прежде чем говорить с ней.

– Благодарю за совет, фрёкен Виг, но мы не можем позволить себе такую роскошь, как ожидание. Не могли бы вы позвонить ей и сообщить о моем прибытии?

– Да, понимаю. Извините.

Он повернулся к ней:

– Откуда вы родом, фрёкен Виг?

Тонье Виг удивленно посмотрела на него. А потом заливисто рассмеялась, но смех ее звучал несколько напряженно.

– Это что, допрос, инспектор?

Харри не ответил.

– Если это так важно, то я выросла во Фредрикстаде.

– Я так и подумал, когда вас услышал, – сказал он, подмигнув.

Изящная тайка в холле запрокинула голову, сидя на стуле, и впрыскивала себе в очаровательный носик какой-то спрей. Харри деликатно кашлянул, она вздрогнула и смущенно захихикала, с глазами, полными слез.

– Простите, но в Бангкоке очень грязный воздух, – сказала она.

– Я это заметил. Не дадите ли мне номер шофера?

Она качала головой и шмыгнула носом:

– У него нет телефона.

– Ну что же. А жилье-то у него есть?

Его шутка ей явно не понравилась. Написав на листке адрес шофера, она подарила ему на прощание едва заметную улыбку.

Слуга уже стоял в дверях, когда Харри шел по аллее, направляясь к резиденции посла. Он проводил Харри через две большие комнаты, изысканно обставленные мебелью из тростника и тика, и вывел через террасу в сад, разбитый позади дома. Орхидеи полыхали желтым и синим, а под сенью больших раскидистых ив порхали бабочки, словно вырезанные из цветной бумаги.

Возле бассейна в форме песочных часов они нашли жену посла, Хильде Мольнес. Она сидела в плетеном кресле, одетая в розовый халат, перед ней на столике стоял такой же розовый коктейль, и ее солнечные очки закрывали пол-лица.

– Вероятно, это вы – инспектор Холе, – проговорила она с твердым «р», что выдавало в ней уроженку района Суннмёре. – Тонье позвонила мне и сообщила, что вы направляетесь ко мне. Хотите что-нибудь выпить, инспектор?

– Нет, благодарю.

– Напрасно. Знаете ли, следует пить в такую жару. Вспомните о балансе жидкости в организме, даже если вам не хочется пить. Здесь слишком быстро происходит обезвоживание.

Она сняла солнечные очки; глаза у нее, как Харри и предположил при виде ее черных как вороново крыло волос и смуглой кожи, оказались карие. Живые, но покрасневшие. Горюет или напилась с утра, подумал Харри. Или и то и другое.

Он прикинул, что ей на вид сорок с небольшим, но выглядела она превосходно. Чуть поблекшая красавица средних лет, из высшего слоя среднего класса. Кажется, он видел ее раньше.

Харри уселся в другое плетеное кресло, которое тотчас прогнулось, облекая тело, словно только его и дожидалось.

– В таком случае я бы выпил воды, фру Мольнес.

Она дала распоряжения слуге и, махнув рукой, выпроводила его из сада.

– Вам сообщили, что вы можете увидеть вашего мужа?

– Да, благодарю, – сказала она.

Харри отметил резкие нотки в ее голосе.

– Мне наконец позволили увидеть его. Человека, с которым я прожила в браке двадцать лет. – Ее карие глаза потемнели, и Харри подумал, что, пожалуй, правильно говорят, будто к берегам Суннмёре в свое время прибило немало португальцев и испанцев, потерпевших кораблекрушение.

– Я вынужден задать вам несколько вопросов, – произнес он.

– Тогда поторопитесь, пока на меня еще действует джин. – И она перекинула через колено стройную, загорелую и наверняка только что выбритую ногу.

Харри достал блокнот. Не то чтобы ему так уж необходимо было вести запись, но не хотелось смотреть на нее, пока она будет отвечать. Так легче беседовать с родственниками жертв.

Она рассказала, что супруг уехал из дома утром и не говорил, будто может вернуться поздно, но всегда ведь могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Когда в десять часов вечера от него все еще не было никаких известий, она попробовала позвонить ему, но ни стационарный телефон в его кабинете, ни мобильный не отвечали. Ее это, однако, не

встревожило. И только после полуночи ей позвонила Тонье Виг и сообщила, что муж ее найден мертвым в каком-то мотеле.

Харри бросил изучающий взгляд на Хильде Мольнес. Говорила она уверенно и без мелодраматизма.

Как поняла Хильде Мольнес, Тонье Виг ничего не знала о причине смерти. На следующий день советник посольства известила ее о том, что ее супруг убит и что из Осло поступило распоряжение о неразглашении информации, касающейся причин смерти. Инструкция распространялась и на Хильде Мольнес, хотя она не являлась сотрудником посольства, поскольку все без исключения норвежские граждане обязаны хранить молчание, если речь идет о «государственной безопасности». Последние слова она произнесла с горькой иронией и подняла бокал.

Харри кивнул, записывая ее рассказ в блокнот. Он спросил, уверена ли она, что ее муж не оставил мобильный телефон дома, и она сказала, что да. Сам не зная почему, он поинтересовался, какой марки у него был мобильник, и она ответила, что не знает в точности, но, кажется, финский.

Она не смогла назвать ему имена лиц, у которых мог бы быть мотив для убийства посла.

Он постучал карандашом по блокноту.

– Ваш муж любил детей?

– О да, очень! – вырвалось у Хильде Мольнес, и впервые он услышал дрожь в ее голосе. – Знали бы вы, каким Атле был отцом: лучшим в мире!

Харри снова уткнулся в свой блокнот. Ничто в ее взгляде не выдавало, поняла ли она двусмысленность вопроса. Он был почти уверен, что она ни о чем не догадывается, но знал и то, что проклятая профессия велит сделать следующий шаг и спросить ее напрямую, известно ли ей об увлечении посла детской порнографией.

Он провел рукой по лицу. Ощутил себя хирургом, который взялся за скальпель, но не в состоянии сделать первый разрез. Черт бы побрал эту вечную мягкотелость, когда начинаются неприятными вещи. Когда невиновным людям приходится выслушивать, как разоблачают их близких, как им незаслуженно швыряют в лицо всякие неприглядные подробности.

Хильде Мольнес опередила его.

– Он так любил детей, что мы даже собирались удочерить маленькую девочку, – сказала она, и на глаза ее навернулись слезы. – Бедную малышку, беженку из Бирмы. Да, в посольстве принято называть эту страну Мьянмой, но я такая старая, что говорю по-прежнему Бирма.

Сухо рассмеявшись сквозь слезы, она взяла себя в руки. Харри смотрел в сторону Над цветком орхидеи кружила красная колибри, словно крохотная модель вертолета.

Так оно и есть, решил про себя он. Она ничего не знает. Если появится что-то, имеющее отношение к этому делу, он задаст ей свои вопросы позже. А если нет, лучше пощадить ее нервы.

И Харри спросил, как давно они знакомы. Хильде охотно поведала ему, что встретила Атле Мольнеса дома в Эрсте на Рождество – тот еще был начинающим политологом. Семейство Мольнес принадлежало к богачам, оно владело двумя мебельными фабриками, и молодой наследник виделся отличной партией для любой девушки в округе, так что отбою от претенденток не было.

– А я была просто Хильде Меллэ с хутора Меллэгорен, зато красивее всех, – проговорила

она все с тем же сухим смешком. Внезапно лицо ее мучительно исказилось, и она быстро поднесла бокал к губам.

Для Харри не составляло труда разглядеть в этой вдове чистую юную красавицу.

Особенно когда этот образ прямо-таки материализовался в проеме двери на террасу.

– Руна, дорогая, это ты! Этого молодого человека зовут Харри Холе. Он инспектор норвежской полиции и помогает в расследовании того, что случилось с отцом.

Дочь скользнула по ним взглядом и молча направилась к противоположной стороне бассейна. У нее были темные волосы и смуглая кожа, как у матери, стройное гибкое тело облегал купальник, и Харри предположил, что ей лет семнадцать. Хотя это ему следовало бы точно знать – ведь перед тем, как ехать сюда, он получил рапорт с исчерпывающей информацией.

Девушка могла бы стать самым совершенством, как и ее мать, если бы не одна деталь, о которой рапорт умалчивал. Когда она обогнула бассейн и сделала три медленных, грациозных шага по трамплину, прежде чем сгруппироваться и прыгнуть, у Харри все сжалось внутри. Из ее правого плеча торчал беспомощный обрубок, придавая всему телу странную, асимметричную форму, будто это птица с подбитым крылом делала сейчас сальто в воздухе. Легкий всплеск – вот и все, что послышалось, когда она исчезла в зеленой воде. На поверхности показались пузыри.

– Руна мастерски прыгает, – сказала Хильде Мольнес, хотя все было и так понятно.

Он неотрывно смотрел на то место, где она ушла под воду, как вдруг девушка вынырнула с другой стороны, у лесенки бассейна. Она поднялась по ступенькам, а он провожал взглядом ее мускулистую спину, смотрел, как солнце играет в каждой капельке воды на ее коже, заставляет блестеть и переливаться ее мокрые черные волосы. Культия свисала вниз, будто цыплячье крылышко. Уход со сцены был таким же безмолвным, как выход и прыжок. Она исчезла за дверью, не обронив ни слова.

– Она не знала, что вы здесь, – произнесла Хильде Мольнес извиняющимся тоном. – Понимаете, она не любит, когда посторонние видят ее без протеза.

– Да, понимаю. Как она восприняла случившееся с ее отцом?

– Даже не спрашивайте, – сказала Хильде Мольнес, задумчиво посмотрев ей вслед. – Она сейчас в таком возрасте, что я ничего про нее не знаю. И другие тоже.

Она опять подняла бокал.

– Боюсь, что Руна – девушка не совсем обычная.

Харри встал, поблагодарив за беседу, и попросил позволения навестить еще раз. Хильде Мольнес попеняла ему на то, что он даже воды не выпил, но он откланялся, заявив, что это подождет до следующего раза. Тут до него дошло, что он, вероятно, сказал что-то неподобающее, но она рассмеялась и, прощаясь, подняла свой бокал.

На обратном пути он увидел подъезжающий к воротам открытый «порше» красного цвета. Он успел заметить светлую челку над солнечными очками «Рэй Бэнн» и серый костюм от Армани, прежде чем машина, пролетев мимо, исчезла в тени перед домом.

Когда Харри вернулся в Управление, старшего инспектора Крамли на месте не было. Нхо поднял кверху палец и произнес «Рогер», едва Харри любезно попросил его связаться с телефонной компанией и проверить все разговоры с мобильного телефона посла в день убийства.

Со старшим инспектором удалось связаться только ближе к пяти часам. Так как было уже поздно, она предложила прокатиться по реке, полюбоваться каналами и заодно, как она выразилась, «закрыть вопрос с достопримечательностями».

На пристани им была предложена длинная лодка за шестьсот батов, но Крамли что-то прошипела по-тайски, и цена тут же упала до трех сотен.

Они поплыли вниз по Чао-Прайя, потом свернули в один из узких каналов. Деревянные лачуги без стен, совершенные развалюхи, едва держались на сваях в воде, и запах еды, клоаки и бензина накатывал на лодку вместе с волнами. У Харри было ощущение, что они проплывают прямо сквозь дома, мимо живущих в них людей, и только ряды зеленеющих растений в горшках мешали разглядеть происходящее внутри. Между тем обитателей это не смущало, напротив, они с улыбкой махали руками в ответ.

На причале сидели трое мальчишек в шортах; мокрые, они только что искупались в коричневой воде и теперь что-то кричали им. Крамли добродушно погрозила им кулаком, а гребец усмехнулся.

– Что они кричат? – любопытствовал Харри.

Она показала рукой на свою голову.

– *Маэ чий*. Это значит «монахиня». Монахини в Таиланде бреют себе головы. Но будь на мне белое одеяние, ко мне отнеслись бы более почтительно, – засмеялась она.

– Вот как? А по-моему, ты и так пользуешься уважением. Твои люди...

– Это потому, что я сама отношусь к ним с уважением, – прервала она его. – И еще потому, что я умею работать.

И она сплюнула за борт.

– Но тебя это, кажется, удивляет, ведь я женщина?

– Я этого не говорил.

– Многие иностранцы удивлены, как это женщины в нашей стране могут сделать успешную карьеру. Но у нас не получила распространения культура мачо, а моя проблема скорее в том, что я сама иностранка.

От легкого бриза влажный воздух казался чуть прохладнее, в кронах деревьев слышалось скрипучее пение кузнечиков. Харри и Лиз, как и в прошлый вечер, не отрывали глаз от кроваво-красного заката.

– Что заставило тебя переехать сюда? – Харри смутно подозревал, что переходит границу дозволенного, но все равно решился спросить.

– Моя мать была тайкой, – помедлив, произнесла она. – Отец остался служить в Сайгоне после войны во Вьетнаме, а в шестьдесят седьмом встретил ее в Бангкоке. – Она рассмеялась и поправила подушку под спиной. – Мать говорила, что забеременела в первую же ночь.

– Тобой?

Она кивнула в ответ.

– После капитуляции отец взял нас с собой в США, в Форт-Лодердейл, где служил в

чине подполковника. Но когда мы приехали туда, мать обнаружила, что он уже был женат, когда они встретились. Узнав, что мать беременна, он написал домой и потребовал развода.

Она покачала головой.

– У него были все возможности бросить нас в Бангкоке, если бы он только захотел.

Может, в глубине души он и желал этого. Кто знает.

– Ты не спрашивала его об этом?

– Разве нам всегда нужна честность? И потом, я знаю, что не получила бы вразумительного ответа на свой вопрос. Просто он был такой.

– Был?

– Он уже умер.

Она повернулась к нему:

– Тебе не нравится, что я рассказываю о своей семье?

Харри прикусил фильтр сигареты.

– Да нет, ничего.

– Отец не мог поступить так, он не бросил нас, потому что ответственность имела для него значение. Когда мне исполнилось одиннадцать, мне разрешили завести котенка, мы взяли его у соседей в Форт-Лодердейле. После моих долгих приставаний отец наконец согласился, но с условием, что я буду ухаживать за животным. Прошло две недели, котенок мне надоел, и я пошла к отцу спросить, нельзя ли отдать его обратно прежним хозяевам. Тогда он отвел меня с котенком в гараж. «Никогда не уходи от ответственности, – сказал он. – Именно так гибли целые цивилизации». С этими словами он достал свою винтовку и всадил двенадцатимиллиметровую пулю прямо в голову котенку. После этого велел мне принести воды и вымыть пол в гараже. Вот каким он был. Поэтому... – Она сняла темные очки, протерла их краем рубашки и прищурилась, любясь закатом. – ... поэтому он никогда не мог понять, зачем прекратили войну во Вьетнаме. Мы с матерью переселились сюда, когда мне было восемнадцать.

Харри кивнул.

– Как я понимаю, твоей матери, с ее азиатской внешностью, было не так-то просто приехать после войны на военную базу в США?

– На базе было как раз проще. А вот другие американцы, которые не были во Вьетнаме, но потеряли там сына или мужа, они-то ненавидели нас лютой ненавистью. Для них любой косоглазый был Чарли^[13].

Мужчина в костюме сидел у обгоревшей хижины и курил сигару.

– А потом ты окончила Полицейскую академию, стала следователем в убойном отделе и обрила голову?

– Не в такой последовательности. И я не брила голову. Волосы сами выпали за какую-то неделю, когда мне было семнадцать. Редкая форма алопеции. Зато практически в местном климате.

Проведя рукой по голове, она устало улыбнулась. Харри только сейчас заметил, что у нее нет ни бровей, ни ресниц, ничего.

Сбоку от них проплывала другая лодка. Она была до краев нагружена желтыми соломенными шляпами, и пожилая тайка жестами показывала то на шляпы, то на их головы. Крамли улыбнулась, учтиво отказываясь от предложения, и что-то сказала. Но женщина, прежде чем обогнать их, перегнулась через борт к Харри и протянула ему белый цветок. А потом указала на Крамли и рассмеялась.

Как будет «спасибо» по-тайски?

Кхоун кхун кхрап, – сказала ему Крамли.

– Понятно. Скажи ей это за меня.

Они плыли мимо храма, *ават*, стоявшего прямо у канала, так что из его распахнутых дверей слышно было пение монахов. Люди сидели на лестнице и, сложив руки, молились.

– О чем они молятся? – спросил он.

– Не знаю. О мире. О любви. О лучшей жизни, сейчас или в будущем. О том, о чем просят люди везде и повсюду.

– Я не верю, что Атле Мольнес ждал проститутку. Думаю, он поджидал кого-то другого.

Они плыли дальше, и храм вскоре исчез вдаль.

– Кого же?

– Не имею представления.

– Почему тогда ты так думаешь?

– У него были деньги только на то, чтобы снять номер, и я просто уверен, что он не планировал покупать секс-услуги. В этом мотеле он собирался с кем-то встретиться... По словам Вана, когда Мольнеса нашли, дверь его номера была не заперта. Разве это не странно? Ведь когда захлопываешь подобную дверь, замок в ней защелкивается автоматически. Он, видимо, специально нажал кнопку на ручке, чтобы дверь не захлопнулась сама. А убийце это было просто незачем делать: он или она, скорее всего, не ожидали, что перед ними окажется незапертая дверь. Так почему же Мольнес это сделал? Большинство постояльцев подобного заведения предпочли бы запереть дверь, когда они ложатся спать, разве не так?

Она покачала головой.

– Может, он все-таки лег спать, но побоялся не услышать стука в дверь, когда придет тот, кого он ожидал?

– Вряд ли. Не было у него причины оставлять дверь открытой и для этой Тони Хардинг, ведь они договорились, что он сперва позвонит. Согласна?

Харри так увлекся, что не заметил, как сильно сдвинулся к борту, и гребец крикнул ему, чтобы держался посередине, не то лодка перевернется.

– Думаю, он хотел скрыть, что собирался с кем-то встретиться. И в этом смысле мотель был удобным местом, поскольку находится за городом. Как раз то, что надо для тайной встречи, да еще никакой регистрации гостей.

– Гм. Ты думаешь о фотографиях?

– Разве можно о них не думать?

– Такие снимки можно купить во многих местах Бангкока.

– Может, он сделал следующий шаг. Может, речь идет о детской проституции.

– Может быть. Продолжай.

– Мобильный телефон. Его не было, когда мы нашли убитого, и его нет ни в кабинете, ни у него дома.

– Его украл убийца.

– Да, но зачем? И если это вор, почему он заодно не взял деньги и не угнал машину?

Крамли почесала ухо.

– Улика, – продолжал Харри. – Убийца тщательно заметал следы. Может, он прихватил с собой мобильник, потому что тот содержал важную информацию?

– Как это?

– Что делает типичный владелец мобильного телефона, когда сидит в мотеле и кого-то ждет, а этот кто-то тоже имеет мобильный телефон и как раз в этот момент едет к мотелю, застревая в ужасных пробках на дорогах Бангкока?

– Он звонит и спрашивает, долго ли еще ему ждать, – ответила Крамли, и казалось, она все еще не понимает, что он имеет в виду.

– У Мольнеса был телефон «нокиа», такой же как у меня. – И Харри достал телефон. – Как и большинство современных мобильных, он сохраняет в памяти последние пять-десять звонков. И вероятно, Мольнес разговаривал с убийцей до его прихода, а потому тот знал, что его могут вычислить по набранным номерам в мобильнике.

– Ну да, – протянула она без особого восторга. – Он мог просто стереть все номера и положить телефон на место. Но у нас теперь есть косвенная улика: убийцу Мольнес знал.

– А что, если телефон был выключен? Хильде Мольнес пробовала дозвониться мужу, но безрезультатно. А без пин-кода убийца не смог бы стереть в телефоне номера.

– О'кей. Тогда нам нужно связаться с телефонной компанией и получить распечатку номеров, по которым звонил Мольнес в тот вечер. Однако сотрудники, которые обычно помогают нам в таких делах, уже закончили работу, так что я позвоню им завтра утром.

Харри поскреб в затылке.

– Это не обязательно. Я разговаривал с Нхо, он этим занимается.

– Ясно, – сказала она. – Ты нарочно сделал это не через меня?

В ее голосе не слышалось ни раздражения, ни вызова. Она спросила только потому, что Нхо был ее подчиненным и Харри нарушил иерархию. И дело не в том, кто здесь начальник, а кто нет, а в том, что эффективнее для расследования. А это уже в зоне ее ответственности.

– Вас не было на месте, старший инспектор Крамли. Простите, если я поторопился.

– Не стоит извиняться, Харри. Ты же сам говоришь, что меня в тот момент не было. Кстати, можешь называть меня Лиз.

Теперь они поднимались вверх по реке и уже успели проплыть довольно далеко. Старший инспектор показала пальцем на дом, окруженный большим садом.

– Там живет твой соотечественник, – произнесла она.

– Откуда ты знаешь?

– В прессе поднялся скандал, когда он построил себе этот дом. Видишь, он похож на храм. Буддистов возмутило, что язычник живет в таком жилище, они сочли это кощунством. К тому же они упирали на то, что дом построен из бывшего бирманского храма, находившегося на спорной приграничной территории с Таиландом. В те времена там было напряженно, то и дело возникали перестрелки, так что люди уезжали кто куда. А норвежец купил по дешевке целый храм, и так как северобирманские храмы построены из тикового дерева, он смог разобрать его и перевезти в Бангкок.

– Надо же, – удивился Харри. – И кто это?

– Уве Клипра. Один из крупнейших строительных подрядчиков в Бангкоке. Думаю, ты еще услышишь о нем, если задержишься у нас чуть дольше.

И она велела гребцу поворачивать назад.

– Нхо, должно быть, уже получил распечатку звонков. Как насчет того, чтобы заказать еду с доставкой?

Распечатка действительно уже пришла, похоронив теорию Харри.

– Последний звонок был зарегистрирован в семнадцать пятьдесят пять, – заявил Нхо. –

Иными словами, приехав в мотель, он никому не звонил.

Харри посмотрел в пластиковую миску с супом-лапшой. Белые полоски напоминали бледные, замороженные спагетти, и он всякий раз вздрагивал, когда они выныривали в самом неожиданном месте, едва он пытался захватить их палочками.

– Однако номер убийцы может и быть в этом списке, – с трудом проговорила Лиз с набитым ртом. – Иначе зачем ему было красть мобильник?

Вошел Рангсан и сообщил, что здесь Тоня Хардинг, у нее снимают отпечатки пальцев.

– Можете поговорить с ней, если хотите. И еще кое-что: Супавади сказал, они проверят ампулу из машины, результаты будут известны завтра. Нашим делом занимаются в первую очередь.

– Передавай им привет и скажи *коп кон крап*, – ответил Харри.

– Что-что?

– Скажи им спасибо.

Харри глупо заулыбался, а Лиз, поперхнувшись, закашлялась так, что рис разлетелся по стенам.

Харри не знал, сколько проституток сидело в коридоре, ожидая допроса, он только видел, что их много. Казалось, они возникают в мокрых делах с такой же регулярностью, с какой мухи слетаются на коровью лепешку. Не потому, что обязательно замешаны в убийстве, а поскольку им всегда есть что рассказать.

Он слышал, как они смеются, ругаются, плачут, он водил с ними дружбу, ссорился с ними, устраивал их дела, нарушал обещания, бывал ими оплеван и бит. Однако было в этих женских судьбах, в тех обстоятельствах, которые их сформировали, нечто такое, что он, как ему казалось, знает и чувствует. Но вот чего он никак не мог понять, так это их неистребимого оптимизма: заглянув в самую бездну человеческой низости, они тем не менее верили, что есть на свете хорошие люди. А ведь он знает полицейских, которые так вовсе не считают.

Вот почему Харри похлопал Дим по плечу и угостил ее сигаретой, прежде чем начать разговор. Не потому, что рассчитывал чего-то от нее добиться, а просто заметив, что ей хочется курить.

Взгляд у нее был твердый, линия рта свидетельствовала, что девушка не из пугливых, но теперь, когда она сидела на стуле за пластиковым столиком, руки ее нервно вздрагивали на коленях и было похоже, что она вот-вот расплачется.

– *Пен янгай?* – спросил он. «Как дела?» Прежде чем приступить к допросу, он научился от Лиз этим двум тайским словам.

Нхо перевел ответ. Она плохо спит по ночам и больше не будет работать в мотеле.

Харри сел напротив нее, положив руки на стол, и попытался поймать ее взгляд. Ее плечи слегка поникли, но она продолжала сидеть, отвернувшись от него, скрестив руки на груди.

Шаг за шагом они разобрали то, что случилось в мотеле, но ничего нового к уже сказанному она не добавила. Да, она подтвердила, что дверь в номер была закрыта, но не заперта. Нет, она не видела там никакого мобильного телефона. И никаких посторонних людей там тоже не было.

Когда Харри упомянул о «мерседесе», спросив, не заметила ли она на машине дипломатические номера, Дим лишь покачала головой. Нет, она не видела никакой машины. Дальше этого они не продвинулись, и Харри, закурив, спросил, так просто, наудачу, как она думает, кто бы мог это сделать. Нхо перевел вопрос, и Харри увидел по ее лицу, что попал в цель.

– Что она говорит?

– Она говорит, что там был нож Кун Са.

– Что это значит?

– Ты не слышал о Кун Са? – Нхо недоверчиво посмотрел на него.

Харри покачал головой.

– Кун Са – это могущественнейший в истории наркобарон. Вместе с правительствами Индокитая и с ЦРУ он начиная с пятидесятых годов управлял поставками опиума в Золотом треугольнике. Таким образом американцы получали денежки на проведение своих операций в регионе. У этого парня было целое войско в джунглях.

Тут Харри сообразил, что кое-что слышал раньше об этом азиатском Эскобаре.

– Кун Са сдался бирманским властям два года назад и был помещен в интернат, должно

быть самый комфортабельный, какой только можно себе вообразить. Говорят, именно он финансировал новые туристические отели в Бирме, а кое-кто полагает, что он по-прежнему главарь опиумной мафии на севере. Раз она называет это имя, значит, думает, что убийство – дело рук мафии. Вот почему она так напугана.

Харри внимательно посмотрел на нее и кивнул Нхо.

– Мы можем отпустить ее, – сказал он наконец.

Нхо перевел слова Харри, и на лице Дим отразилось удивление. Она повернулась к инспектору и встретилась с ним взглядом, а потом поднесла руки к лицу и поклонилась. Тут до Харри дошло, что она боялась, как бы ее не задержали за проституцию.

Он улыбнулся в ответ. Она перегнулась через стол.

– You like ice-skating, sil?^[14]

– Кун Са? ЦРУ?

На телефонной линии из Осло что-то потрескивало, и, говоря с Торхусом, Харри слышал эхо собственных слов.

– Простите, инспектор Холе, но вы там не перегрелись на солнце? Найден человек с ножом в спине, купленным неведомо где на севере Таиланда, мы просим вас осторожно все разузнать, а вы заявляете, что намерены бороться с организованной преступностью в Юго-Восточной Азии?

– Нет. – Харри положил ноги на стол. – Я вовсе не собираюсь заниматься чем-то подобным, Торхус. Я только хочу сказать, что, по мнению музейного эксперта, нож этот не простой. Такие были в ходу у народности шан, и подобным антиквариатом в обычных лавчонках не торгуют. Местная полиция считает, что нож – это некое послание опиумной мафии, чтобы мы сидели тихо, но я не разделяю их мнения. Если мафия захочет что-то нам сказать, то не обязательно жертвовать таким ценным ножом – для этого есть более простые способы.

– Из-за чего же такой шум?

– Я только сказал, что все следы ведут именно в этом направлении. Но шеф полиции и слушать не желает ни о каком опиуме. Похоже, здесь творится черт знает что. По его словам, правительство до недавнего времени хоть как-то контролировало ситуацию, что они проводят различные стимулирующие программы для беднейших крестьян, выращивающих опиум, чтобы те не потеряли слишком много денег при переходе на другие сельскохозяйственные культуры, и вместе с тем крестьянам позволяется выращивать определенное количество опиума для собственных нужд.

– Собственных нужд?

– Да-да, горцам это разрешено. Они курят из поколения в поколение, и пытаться что-то тут менять бесполезно. Проблема в том, что импорт опиума из Лаоса в Мьянму упал, и цены сразу взлетели вверх: для того, чтобы покрыть спрос, производство в Таиланде почти удвоилось. Тут крутятся большие деньги, появилось множество новых игроков, так что все ужасно запутано. У начальника полиции нет никакого желания ворошить это осиное гнездо именно сейчас. Поэтому я решил начать с того, чтобы какие-то вещи исключить сразу. Допустим, вариант, что посол сам был причастен к чему-то криминальному. К детской порнографии, к примеру.

На другом конце трубки стало тихо.

– У нас нет никаких причин полагать... – начал Торхус, но его заглушил треск на линии.

– Повторите!

– У нас нет никаких причин полагать, что посол Мольнес был педофилом, если вы это имеете в виду.

– Что? Нет никаких причин? Вы сейчас не перед прессой выступаете, Торхус. Я должен знать о таких вещах, чтобы вести дальнейшее расследование.

В трубке снова замолчали, в какой-то момент Харри даже решил, что связь прервалась. Затем голос Торхуса раздался снова, и Харри, несмотря на помехи, уловил ледяной холод на противоположной стороне земного шара.

– Я скажу вам все, что вам следует знать, Холле. А знать вам надо только то, что вы должны найти убийцу, и нам плевать, кто им окажется, нам плевать, в чем там был замешан посол, может, он был одновременно наркодилером и педерастом, – только чтобы в прессу ничего не просочилось! Любой скандал, не важно, по какому поводу, будет расцениваться как катастрофа, и вы понесете за это персональную ответственность. Вы все поняли, Холле, или хотите знать что-то еще? – Торхус ни единого раза не перевел дух.

Харри с такой силой лягнул стол, что телефон подпрыгнул, а сидевшие рядом коллеги подскочили в своих креслах.

– Я вас прекрасно слышу, – начал он, стиснув зубы. – Теперь и вы послушайте меня.

Тут Харри сделал паузу и набрал в грудь побольше воздуха. Пивка бы сейчас, хоть кружечку! Он зажал в губах сигарету и попытался сосредоточиться.

– Если Мольнес в чем-то замешан, то вряд ли он единственный такой норвежец. Я сильно сомневаюсь, что у него возникли серьезные связи в тайландском уголовном мире за то короткое время, что он здесь; кроме того, я узнал, что он общался в основном с норвежской колонией в Бангкоке. И нет никаких причин не верить, что большинство его знакомых – славные люди и у всех были свои резоны покинуть родину, а у кого-то эти резоны были более вескими, чем у других. Проблемы с полицией, как правило, становятся наиболее серьезной причиной для скорейшей эмиграции в страну с теплым климатом, у которой к тому же отсутствует договор с Норвегией об экстрадиции. Вы читали в газетах о норвежце, которого застукали с поличным, когда он развлекался с мальчиками в гостиничном номере в Паттайе? Об этом кричали первые полосы «Вердене Ганг» и «Дагбладет». Местная полиция любит подобные разоблачения. Ее хвалят за это в прессе, да и педофилов легче ловить, чем героиновую мафию. Сейчас тайландская полиция уже почуяла запах легкой добычи, но они выжидают, пока дело будет формально закрыто и я уеду домой; а они через пару месяцев раскрутят скандал о детской порнографии, в которой были замешаны норвежцы. Как вы думаете, что тогда? Норвежские газеты тотчас пошлют сюда свору журналистов, и непременно всплывет имя посла Норвегии в Таиланде. Но если нам удастся взять этих ребят сейчас, пока у нас есть взаимопонимание с местными полицейскими и все шито-крыто, то, может, мы сумеем избежать скандала.

[Купить полную версию книги](#)

Сотрудник службы гостеприимства (англ.).

На месте преступления (*лат.*).

Это сказала профессор криминологии Лив Финстад в 80-е годы, отстаивая сельскохозяйственную политику марксистского «Красного избирательного альянса».

Можешь дальше не рассказывать... *(англ.)*

«Отдых и реабилитация» (англ.).

«Сношение и отравление» *(англ.)*.

Имеется в виду монолог пьяницы Еппе из комедии норвежско-датского писателя Людвиг Хольберга «Еппе с горы» (1720).

А, Норвегия... это... это... не могу вспомнить его имя... пожалуйста, помогите мне
(англ.).

Очень, очень знаменитый! *(англ.)*

Нет, нет, еще знаменитее! *(англ.)*

Я знаю теперь, я знаю! *(англ.)*

Вечерний чай (*англ.*).

Чарли (Виктор Чарли) – так американские
военнослужащие называли бойцов Южного Вьетнама.

Вам нравится фигурное катание, сэр? *(искаж. англ.)*